

Инна Баринская

Детектив
сильных
страстей

ЭКСМО

Мужчины
любят грешниц

Инна Бачинская

Мужчины любят грешниц

«ЭКСМО»

2014

Бачинская И. Ю.

Мужчины любят грешниц / И. Ю. Бачинская — «Эксмо», 2014

По официальной версии, Алиса выбросилась с балкона его квартиры. Прошло семь лет, но Артем до сих пор не знал покоя. Как озорная и жизнелюбивая девушка, начинающая талантливая журналистка, могла решиться на самоубийство? В тот день они договорились встретиться в кафе «Белая сова», но Артем напрасно ждал ее за столиком... С тех пор он не бывал в этом кафе, но сегодня ноги сами привели его туда. Артем не поверил своим глазам: ему показалось, что он увидел Колдуна! Экстрасенс Илья Заубер по прозвищу Колдун в свое время наделал в городе немало шума. Алиса собиралась написать о нем, тайком ходила на сеансы Колдуна, но, вернувшись с одного из них, покончила с собой... А вскоре после визита в «Белую сову» Артему позвонила незнакомая женщина, представившаяся родственницей Лиски. Она говорила невероятные вещи: Алису убили и он должен найти убийцу! Но что можно сделать спустя семь лет, когда ни следов, ни свидетелей уже не найти?

© Бачинская И. Ю., 2014

© Эксмо, 2014

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	13
Глава 4	18
Глава 5	25
Глава 6	29
Глава 7	36
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Инна Бачинская

Мужчины любят грешниц

Действующие лица и события романа вымышлены, и сходство их с реальными лицами и событиями абсолютно случайно.

Автор

*Когда ты загнан и забит
Людьми, заботой иль тоскою;
Когда под гробовой доскою
Все, что тебя пленяло, спит;
Когда по городской пустыне,
Отчаявшийся и больной,
Ты возвращаешься домой,
И тяжелит ресницы иней, —
Тогда – остановись на миг
Послушать тишину ночную...
...И в этот несравненный миг —
Узоры на стекле фонарном,
Мороз, оледенивший кровь,
Твоя холодная любовь —
Все вспыхнет в сердце благодарном...*

А. Блок

© Бачинская И.Ю., 2014

© Оформление. ООО «Издательство Эксмо», 2014

Глава 1

Привидения

Ноги принесли меня в «Белую сову», наверное, по старой памяти. В свое время я часто бывал здесь. В свое время... а это чье же? Тоже свое? Или чужое? В свое время... Тогда я любил порассуждать на всякие лжефилософские темы – о предназначении, смысле жизни, разных знаках, особенно после двух-трех рюмок. О будущем. И, разумеется, о политике. И компания состояла из таких же «кухонных» трепачей, хотя дело давно уже происходило не на кухне, а в гостиной с шикарной итальянской мебелью. И сочетались они как корова с седлом – эта доморощенная политизированная философия и итальянская мебель. Тем более что все рано или поздно заканчивалось на деньгах – кто, сколько, как и где. Джинн был выпущен из бутылки – пришло его время. Джинн или золотой телец. Но по старой памяти касались и смысла жизни. Разговоры об этом являются по сути разговорами о надежде и золотом самородке, который однажды попадет в навозной куче по имени жизнь, и хороши под водку и вареную колбасу. А когда треп происходит под семгу, лимон и выдержанный коньяк – это уже, простите, извращение и фальшь. Так и просится на язык расхожая фраза о том, что всему свое время. И место. Время разбрасывать камни, время собирать... и так далее. Настало время денег. Больших, маленьких, громадных и запредельных. Со скрежетом менялись курс и ориентиры корабля. Деньги!

Давно не собираются теплые компании в моем доме – кухня, на которой я готовлю себе нехитрую еду, сверкает хромом и спартанской простотой: ни цветочка, ни тряпки, ни полотенца с петухом или зайчиком, – и похожа на операционную. Приходящая прислуга и случайные подруги пытались создать уют, зачастую с далеко идущими целями – случайные подруги, имеется в виду. Но я упорно восстанавливал статус кво и изголодавшийся по ласке и общению тем не менее держался как камень. Это мое – и не трожь! Правила, границы, рамки – да, педант – да, зануда – да, сухарь – принимайте или идите себе с богом. И молчалив стал с годами. Мама утром в понедельник по телефону озабоченно спрашивает: «Темочка, ты что, простыл?» – «Нет, все в порядке, просто голос сел». Потому что уже третий день я молчу. Читаю, смотрю телевизор, работаю, покупаю еду в супермаркете – и все молча. «Хочешь, я подарю тебе собаку?» – спрашивает Казимир. «Собака? Мне не нужна собака. Мне никто не нужен. Я самодостаточен». – «Я тебя понимаю, – говорит Казимир. – Если бы ты только знал, как я тебя понимаю. Собаки, дети, жены, знакомые – это плен! А художнику как воздух нужна свобода».

В этом месте я невольно усмехаюсь – внутренне, чтобы не обидеть брата, мнящего себя художником. И кличка была у него в институте, разумеется, Малевич, чем он немало гордился. Брат действительно был неплохим рисовальщиком, но без искры божьей. Какая там искра! Он был технарем, чертежником, архитектором с преувеличенным вниманием к мелким деталям. Руанский собор или там собор Святого Штефана в Вене с их отточенной готикой, от нечеловеческого совершенства которой делается страшно – это он мог! Сидел, выписывая... нет! Строя, как карточный домик, – затаив дыхание, добавляя точной рукой мельчайшую деталь, оттачивая арки и углы. Готика нечеловечна, или бесчеловечна, потому как совершенна. И молчалива, и полна тайны. Она – *над*. Что и пугает. Не напрасно прадедушка романа ужасов назывался готическим. Ох, не напрасно.

Имя брату придумала, разумеется, мама. Нина Сергеевна. Она и мне придумала было имя Артур, но отец был начеку и воспротивился. А вот брат пострадал, шутил отец. Вместо Ивана стал Казимиром. Какой, к черту, Казимир? Откуда у них в семье Казимир? Но было поздно – когда отец вернулся из Кении, где работал хирургом в госпитале Красного Креста,

младшему сынишке исполнилось уже два года, он откликался на имя Казимир и всю пачкал красками стены, мебель и пол. В сочетании чуждого имени и ангельского братова личика заключалась некая томная нездешняя извращенность. Недаром говорили древние: имя – это судьба. Брат был обаятелен, с улыбкой, играючи мог добиться того, что иному не обламывалось и в результате упорного труда. Оценки на экзамене, связи, полезные знакомства, работа впоследствии. Имя превратилось в определение и обозначало гибкого дерзкого пролазу и бабника. Удачливого сукина сына. Настоящий Казимир! Скорее с оттенком восхищения, чем осуждения. И бабник! Но это уже отдельный разговор.

Сколько же времени натикало с тех пор, как я был в «Сове» последний раз? И не сосчитать. Много. Как это говорится: «много воды утекло»? Много воды утекло с тех пор, как я был здесь в последний раз. И натикало. Сидел и ждал. Как оказалось, напрасно. Никто не пришел. Некому уже. А я все сидел и ждал, нетерпеливо поглядывая на часы, предвкушая, как появится у входа знакомая фигурка, обведет беспокойным взглядом зал, выискивая меня, и вспыхнет радостно навстречу губами и глазами. Время шло, но никто не приходил. Я снова и снова набирал заветный номер, но абонент был недоступен. Подавляя раздражение и тревогу, я рассеянно смотрел по сторонам. Мелькали сине-зелено-желтые огни. Как всегда, здесь толпа людей. Сине-зелено-желтые лица-маски. И джаз. Не диско, а джаз. Джаз – это настоящее, теплое и человеческое. Ностальгия по несбывшемуся и обещание счастья впереди. Передышка в пути перед дальней дорогой. Музыка для отлюбивших, как сказал один писатель. Возможно, возможно...

Сейчас все уже здесь не так. Все течет, все изменяется. Незнакомые лица в серебряную крапинку от крутящегося под потолком зеркального шара, незнакомая музыка – до одурения громкая. Даже одежда другая, особенно у женщин – голые плечи и спины, пирсинг, разноцветные волосы, марсианский макияж, что красиво, но непривычно. Похоже, я одичал в своих палестинах. Странная фраза... Палестины.

И возраст! Эти были удивительно молоды! Или таковыми казались в «снежной» метели зеркального шара. Они вели себя как подростки, сбежавшие с урока, хватающие минутку, а там – будь что будет! Мне пришло в голову, что за годы моего затворничества размылось понятие возраста, и теперь надо быть молодым – мода пошла такая. Блеск глаз, блеск зубов, гибкость членов. Бодрость тела и бодрость духа. Все кружится, все меняется... Быстрая смена картинок – окружения, друзей, партнеров, географических широт, жен и мужей.

Рассмотреть их лица не было никакой возможности. Зал освещался скупо, снежная метель все убыстрялась, музыка била наотмашь, и я вдруг впервые за долгое время расслабился или одурел от шума и движения, от мощной энергетики разгоряченной толпы. Ни одной мысли не осталось в моей голове – она была пуста, как шар под потолком. Или, вернее, наполнена дерганным шмелиным гулом, ритм которого бился в висках. И сердце колотилось как после бега. И дурацкая ухмылка растягивала губы. Истерия толпы засасывала мощно и глубоко. Мне казалось, я чувствую гладкие стенки воронки и без сопротивления, даже с готовностью, отдаюсь скольжению. Мне было хорошо! Животное по имени человек обладает мощным стадным инстинктом и всегда возвращается к своим. Как правило. Рано или поздно...

Я вздрогнул, когда чья-то тяжелая ладонь опустилась на мое плечо и радостный, смутно знакомый голос проревел над ухом:

– Темка, ты?!

Я рванулся из-под руки, бог знает почему, оторопев от внезапного испуга. Жизнерадостное красное толстошее лицо, влажные пряди волос на лбу, сизо-голубые глаза, по-детски наивные, уставившиеся на меня с пьяным энтузиазмом, и громоподобный рев – господин Добродеев собственной персоной! Всеобщий знакомец и приятель, записной враль, обжора и лове-лас, репортер, не обремененный убеждениями, не без таланта пописывающий в левые, правые, экологические, женские и светские издания. Его материалы шли на ура: пестрая смесь из

полтергейста, загадок истории, тайных архивов спецслужб, городских патогенных зон и многоарусных пещер, в которых навсегда теряются спелеологи и куда не сегодня завтра провалится центр города. Особенно ему удавались страшилки про вечноживых пришельцев из НЛО, умыкающих честных граждан, и женщин в особенности. При этом приводились достоверные детали, убедительные подробности, имена пострадавших и даты. Как вы понимаете, все вышеперечисленное являлось исключительно плодами фантазии Леша Добродеева, который бурлил, пенился, шипел и плевался, образно выражаясь, идеями, планами, проектами, слухами и сплетнями.

Леша Добродеев для своих, Алексей Генрихович для чужих. Культовый экстраверт, надежда отечественной желтой журналистики, городская достопримечательность, знающая всех и обо всех и на «ты» со всем миром. Когда-то мы приятельствовали, пили вместе и перекидывались по субботам в картишки. Ходили в баню и купались в проруби. Я вдруг вспомнил, как Лешка вылетал из сауны голый, красный как рак и с ревом неся к проруби, трясая немалых размеров животом. Прыгал в черную дымящуюся воду, скрывался под ней на долгую минуту. Потом с шумом выныривал, всасывал белый морозный воздух и орал: «Хар-р-рашо жить на свете, господа!!» Были в нем купеческий размах и жажда... всего! Еды, водки, женщин, бани, ночных гонок на машинах подшофе и вранья. Был он, что называется, записной враль и сочинял свои истории с ходу, не озабочиваясь их достоверностью. Он с живостью варился в мутном бульоне городских слухов, сплетен и скандалов, обожал представлять, участвовать и открывать: выставки, конференции, дни города, вернисажи и презентации; жать руки, разрезать ленточку, троекратно лобызаться со знаменитостями по старой доброй славянской традиции; и кличка у него в репортерских кругах была Баламут. А еще Лоботомик – за постоянный энтузиазм и прыжки. Однажды я с немалым удивлением убедился в его цепкой деловой хватке и понял, что их двое: один – на виду у всех бегущий по жизни вприпрыжку Баламут, и другой – серьезный и жесткий делец, умеющий сорвать куш, – неизвестный никому или почти никому.

– Темка, неужели ты? – Леша с радостным ржанием прижал мою голову к своей пухлой груди. – Ну, старик, не ожидал! Здесь? А я беспокоюсь, спрашиваю у всех, где Темка! И никто, ни одна собака ничего не знает! Уже собирался звонить Нине Сергеевне! Честное слово!

Я невольно усмехнулся – последний раз мы виделись семь лет назад, самое время начать беспокоиться. И снова подумал о том, что Леша никогда ничего не забывает, и имена, даже раз услышанные, врезаются в его память навечно – он запомнил имя мамы, встретившись с ней всего однажды где-то на улице, и я представил их друг другу.

– Ты как, старик? Жив, здоров, выглядишь дай бог всякому! Ты где сейчас обитаешь? А то исчез с горизонта, и, главное, никто ни сном ни духом! Я думал, ты в Эуропах, прошел такой слухок! Крутишь бизнес!

Было очевидно, что Леша по привычке привирает, и мысль о Европе пришла ему в голову только что.

Я пожал плечами:

– Как видишь... все еще здесь.

– Вернулся?

– Я не уезжал.

– Женат? Дети?

Любопытные глаза журналиста ощупывали меня, и я поежился, почувствовав себя улиткой, которую нахальный мальчишка тащит из привычного домика. Не умею я говорить о себе... вернее, разучился. Отвык за годы отшельничества. Самое время нырнуть в тень и притаиться, но тени не было. Да и не так-то просто отвязаться от бесцеремонного Леша Добродеева. Я смирился.

– Не женат. Ты сам как? Видишься с нашими?

– Были и мы рысакими! – жизнерадостно прокричал Леша. – Почти нет, стареет народ. Еще иногда смажемся в картишки по старой памяти, а банька, прорубь, их нет! Мотор пошаливает. – Он похлопал себя по груди. – И печенка, сволочь, достает! И того нельзя, и этого! Эх, было время! Помнишь, Артюша, как мы ночи напролет лакали водку, виски, коньяки и шампанское из тувельки прекрасной дамы, а утром ни в одном глазу, а?! Помнишь?

Я не помнил, но это неважно. Настроение он ухватил точно. Тогда было о-го-го! А сейчас... так себе. Но по виду Леша Добродеева не скажешь, что так себе. Его организм по-прежнему вырабатывал серотонин со страшной силой. Несмотря на барахлящие мотор и печень.

Мы выпили за встречу. Потом за отсутствующих друзей. Потом за то, чтобы все было хорошо. К нам подходили знакомые, происходил быстрый и преувеличенно радостный обмен фразами: «Тема, ну как ты, старик, Леша, привет, нормально, что у тебя, сто лет не виделись, надо бы сбежаться, пока, до скорого, ребята, возьми телефончик». Одним словом – роскошь общения. Впервые за долгое время мне было хорошо, и назойливые вопросы Добродеева уже не вызывали протеста. Я отяжелел и разомлел от выпитого, от безостановочной Лешкиной болтовни, в которую почти не вникал, но она тем не менее создавала эффект присутствия и участия; от людей вокруг, которые слились вдруг в единый бесконечный организм, вроде праздничного китайского змея: его несут, мотая туда-сюда, на палках, и он извивается как живой. Праздничный змей извивался под ревущую музыку вокруг нашего столика, Леша говорил не переставая – вытягивал губы трубочкой, закатывал глаза, тряс головой, и по отдельным словам, долетавшим до меня, я мог бы догадаться, о чем, но не хотелось напрягаться. Губы мои растягивались в бессмысленной хмельной улыбке, и я преисполнился неясной благодарности судьбе за то, что случайно попал сюда, за дружелюбного Добродеева, с которым так хорошо пьется и сидится, за яркого радостного китайского змея с нестрашной оскаленной мордой. Я даже сказал Леше: «Посмотри, какая славная морда!» Тот не удивился и кивнул, соглашаясь.

Все вдруг кончилось, как будто гигантским ластиком стерли радость и душевный уют с яркой картинки. Леша дергал меня за руку и повторял:

– Смотри, старик! Смотри! Да не туда, вот там, в углу! Видишь? Колдун! Неужели вернулся? Глазам своим не верю! Вернулся, сволочь!

До меня наконец дошло, и я посмотрел, чувствуя спазм в горле и поднимающуюся из темных глубин животную ненависть. Это был он, Колдун. Постаревший, высохший, с черными длинными патлами. Весь в черном по законам инфернального цеха.

Я смотрел на этого человека, он, почувствовав это, повернул голову, и мы скрестились взглядами. Ровным счетом ничего не промелькнуло на лице Колдуна – ни тени узнавания, ни неприятия, ни оторопи. Ничего. Он окинул меня пустым безразличным взглядом и отвел глаза. Я стал сползать с высокой табуретки, но Леша, лакающий спиртное как лошадь и никогда при этом не теряющий головы, бдительно схватил меня за рукав, воркуя:

– Ну-ну-ну... не здесь, я тебя понимаю, старик, поверь, до сих пор как вспомню... А может, и не он это. Не посмел бы он вернуться, поверь мне, я бы знал! Вот сейчас мы встанем потихонечку и домой баиньки. Хорошо посидели, пора и честь знать. Пошли!

Я молча выдернул рукав из цепких рук журналиста и едва не упал, покачнувшись. Леша тут же нежно обнял меня за талию, пробормотав ни к селу ни к городу: «Своих не сдаем», и повлек к выходу. Я оглянулся, но Колдуна не увидел – за его столиком уже сидели две девушки, как мне показалось. Возможно, это был не тот столик. Возможно, Колдун исчез, испарился, растворился в воздухе. Прodelал одну из своих дьявольских штучек. Хмель из моей головы выветрился мгновенно. Голова стала тяжелой, боль нарастала в затылке, и сердце замерло. Во всяком случае, я не чувствовал больше своего сердца. И вяло удивился, почему я еще на ногах, а не лежу на тротуаре. Лежать на тротуаре было бы совсем неплохо – прохладно и спокойно. Леша Добродеев, настоящий друг, меж тем энергично подзывал такси...

Глава 2

Семья

...В машине душно пахло хвоей, и меня затошнило. От радужного «змеино» настроения не осталось и следа, и я не понимал уже, какого черта поперся в этот дурацкий шалман. И Колдун в придачу! Дьявол, а не колдун. Если только это был все-таки он, а не первый попавшийся мужик похожей стати – мало ли таких!

Запах хвои застревал в горле, и я уже собирался сказать, что дальше пойду пешком, и убраться наконец из душного пространства, но тут затрепыхался мобильный телефон. Звонила Лена. Голос слабый, прерывистый – видимо, плакала.

– Что случилось? – спросил я, подавляя невольный вздох и невольное раздражение.

– Артем, пожалуйста, ты не мог бы приехать? Прямо сейчас! Пожалуйста, Артем, я тебя очень прошу! Он совсем сошел с ума, я боюсь за Костика. Пожалуйста!

– Хорошо, – сказал я ровно. – Сейчас приеду.

Некстати, не ко времени. Я рвался домой. Мне хотелось выпить чаю на своей спартанской кухне, среди знакомого окружения, с чувством безопасности и своего дома – своей крепости. Мне хотелось подумать и расставить все по полочкам. Колдуна. События семилетней давности. Свою роль, не доигранную до конца... скорее всего. Я чувствовал тоску, поднимающуюся из глубин души, саднящее беспокойство и неясную мысль о том, что, возможно, удастся поставить точку наконец. Доиграть. Радужного настроения как не бывало...

Я с досадой подумал, что Лена слишком уж полагается на меня, зовет по любому поводу, заставляет выступать в роли умирителя, посредника и мирового судьи, а мне меньше всего хочется лезть в их семейную жизнь. Разбирайтесь сами, черт бы вас подрал! Казимир, конечно, не подарок, но что я могу поделаться? Разводите! И все дела. Не вы первые, не вы последние. Я так и сказал Лене однажды. Всего однажды! И больше не посмел. Она застыла, испуганно и умоляюще глядя на меня, – вечная девочка, нежная и беспомощная, с наивным личиком, умоляющими глазами и приоткрытым кукольным ротиком, ни дня не работавшая, привыкшая беззаботно и безбедно жить за спиной Казимира, у которого везде все схвачено. Жена-кукла. Жена-украшение. Жена-декорация. Правда, нельзя не признать, что она прекрасная хозяйка и ведет дом умелой рукой...

Она вызывала во мне жалость и раздражение одновременно. Я понимал, что развод для нее станет катастрофой – прирученная домашняя птичка погибнет на воле. А может, и нет, иногда думал я с ожесточением. Захочет жить – выплывет. Научится барахтаться. Или летать.

Лена открыла дверь. Лицо заплаканное, несчастное. Прошептала быстро:

– Спасибо, Темочка, что пришел. Он уже успокоился. А Костик закрылся у себя, я так боюсь за него...

– Кто там? – Казимир уже спешил в прихожую. – Темка? – Радость промелькнула на его лице. – Молодец, что заглянул. Давай на кухню! Я еще не ужинал, не хотелось одному.

На жену он не обратил ни малейшего внимания, словно ее здесь и не было. Ему не хотелось ужинать одному – меня неприятно резанули слова брата. Одному!

– Давай! Я только зайду к Костику, поздороваюсь. Таня дома?

– Танька на свидании, – хохотнул Казимир. – Никак не привыкну, что здоровая девка уже, по свиданиям бегают!

Был он возбужден, и от него пахло спиртным. Он обнял меня, похлопал по спине, приложился щекой к щеке, чем напомнил щенка, маленького Казю, всеобщего любимца с лукавой ласковой рожицей. Брат давно уже не щенок, плешь на макушке наметилась, юношеская худоба превратилась в сутуловатость и нескладность, характер... Да, характер. Характерец...

– Только давай по-быстрому, – разрешил он. – Ему надо заниматься. Я тут его повоспитывал немного, совсем от рук отбился пацан. Давай, жду на кухне!

– Костя! – позвал я у запертой двери. – Это я, Артем. Открой!

Заскрежетал ключ, дверь распахнулась. Костя, крупный красивый парень, посторонился, пропуская меня. Я обнял племянника, ощутив знакомый теплый запах. Кто сказал, что от молодых чистых мальчиков пахнет молоком и мехом? Так примерно и пахло от Кости – молоком и мехом.

Он, кажется, плакал. Глаза были подозрительно красны. Что же тут у них произошло? Что нужно сделать, чтобы довести до слез крепкого молодого человека девятнадцати лет? Не хлюпика, не неженку, не мамино сына? Разве только самую малость... маменькиного сына.

– Ну, как ты тут? – задал я ритуальный дурацкий вопрос, не требующий никакого ответа, кроме как столь же ритуального.

– Ничего. Нормально. – Племянник шмыгнул носом и отвел взгляд. Стыдился слез.

Я не стал спрашивать о причине горя – не хотел смущать парня.

– Я сказал, что бросаю институт! – выпалил вдруг Костя. – Ненавижу архитектуру! Я никогда не буду архитектором! Никогда! А он... Он стал орать, топтать ногами, толкнул мать. Ударил меня! – Он невольно потрогал красную щеку. – Я его ненавижу! – прошептал возбужденно. – Я бы давно ушел, но мать жалко. Я ей говорю, давай уйдем, я пойду работать, нам хватит. Меня зовут в банк на техническое обеспечение. А она говорит: а жить где?

– Успокойся! – Я попытался сдержать улыбку – Костя напоминал мне щенка-подростка – большого, неуклюжего и глупого. – Я с ним поговорю. Ты твердо решил бросить институт? Третий курс все-таки.

– Я не-на-ви-жу институт! – отчеканил Костя. – Я никогда не буду архитектором! Лучше подохнуть!

Если отбросить юношеский максимализм, все равно получается убедительно. Казимир, уверенный в своем праве решать за всех, перегибает палку. Его можно понять: отлаженный бизнес – дело серьезное, нужно готовить смену. А если смену колотит от ненависти при одном упоминании об отцовом занятии? Я не понимал брата, Костик мне нравился. Большой добродушный славный парень, мне бы такого. Казимир обожал дочку Таню и цеплялся из-за всякой мелочи к сыну, не спуская ему ни плохих оценок, ни драк, ни разорванной куртки, задалбывая наказаниями, запретами и домашними арестами. Это называлось воспитывать настоящего мужика. В архитектурный Костя пошел по настоянию отца, боясь перечить. И вот результат.

В комнату бесшумно проскользнула Лена. Погладила сына по голове, взглянула на меня виновато.

– Иди, – сказала тихо. – Он ждет. Спасибо, что пришел.

– Ты представляешь, чего он надумал? Институт бросать. Сопляк! – Казимир ловко разлил водку по хрустальным стопкам.

– Ты бы не давил так, если ему не нравится... – Я старался быть мягким и дипломатичным, не желая злить брата.

– Не нравится? А он знает, что ему нравится? Я мечтал, что у меня будет помощник, единомышленник, смена, а этот тюфяк целыми днями гоняет свои дурацкие игры!

– Он неплохой программист.

– Откуда ты знаешь, какой он программист? – взвился Казимир. – Сейчас каждый второй неплохой программист. Я не хочу, чтобы мой сын остался недоучкой. Пусть заканчивает институт и катится на все четыре стороны. Программист! Хорошо быть программистом на отцовской шее. Уж куда как просто. Нет, он у меня сначала получит диплом, а там будет видно. За нас! – Он поднял стопку, мы чокнулись и выпили.

Я не мог не признать известной правоты в словах Казимира. Брат тянул раскрученный строительный бизнес, в очереди к нему стояли по два-три года, у него было имя. И, разумеется, он хотел, чтобы Костя сменил его когда-нибудь.

Я рассматривал брата – Казимир постарел, побледнел, но по-прежнему был красив и обаятелен, когда не забывал об этом. Устает как собака, злится, все на нервах. Огрубел. Выпивает. Когда-то мы были соперниками – он, младший, тянулся за мной, требуя себе таких же игрушек, одежду, «взрослый» велосипед. Потом таскался за мной по компаниям, и при малейшей попытке отвяжаться от этой липучки начинались визг и шантаж. Братец грозился рассказать родителям, что мы курили, пробовали водку, целовались с девочками в чьей-то сомнительной квартире. Ревновал, завидовал, злился. Закатывал истерики. Мама называла это нервной художественной натурой и отпаивала его чаями из ромашки и мяты. После женитьбы Казимира мы расстались на несколько лет: в вечном соперничестве брату удалось «достать» меня и нанести ощутимый удар. Помирились мы лишь с возрастом, когда растаяли обиды. И окончательно осознали свою родственность уже после той истории...

– Знаешь, Колдун в городе, – сказал я вдруг неожиданно для себя. Я не собирался ничего рассказывать брату, решив, что сначала обдумаю все сам. Слова вырвались случайно.

– Колдун? – Казимир выронил вилку, и мы оба вздрогнули. – Черт! Ты уверен? Может, показалось? Откуда ты знаешь? Где ты его видел?

Было видно, что известие задело брата.

– Не уверен. В «Белой сове». Мы сидели с Лешей Добродеевым – он-то его и высмотрел.

– Ты с ним говорил?

– Я к нему даже не подошел. Там было полно народу, я теперь уже и не уверен. Может, обознался.

– Да... – протянул Казимир, испытующе глядя на меня, и я видел, что он не знает, как реагировать на неожиданное известие и что сказать. – Неужели он решился появиться снова...

– Не бери в голову. Вряд ли это он. Я и не рассмотрел толком. Мало ли таких...

Мы молча смотрели друг на друга. Мало ли таких? В том-то и дело, что мало. А еще вернее – таких, как Колдун, больше нет...

Глава 3

Еще не вечер

Миша позвонил и сказал, что взял билеты на десять на нового агента ноль-ноль семь, а перед кино можно заскочить куда-нибудь перекусить и погулять. Он будет ждать меня в девять – немного поздно, но раньше никак: у него важная деловая встреча.

Погодка – чудо! Просто не верится, что осень на подходе. Лето! Только темнеет раньше. И в воздухе уже пахнет грибами. Кстати, о грибах. В воскресенье можно поехать в лес – Миша говорит, грибов полно. И первые желтые и красные листья. И рябина уже краснеет. Миша отличный парень, зовет меня замуж. Мама говорит, иди, он ей нравится. У Миши свой магазин «Художественное стекло», где продаются еще и зеркала, то и другое разноцветное, с блестящим напылением и узорами, для простого и невзыскательного потребителя. Сейчас все строятся или делают ремонт, и Мишин магазин процветает.

Я еще ничего не решила, хотя в глубине души не представляю себе никого другого на месте Миши. Он надежный. Мы даже строим планы на будущее – куда поехать, какую машину купить вместо его старой «Тойоты»... и дети, конечно. Миша хочет двоих. Мама говорит, что мне повезло с ним – народ сейчас несерьезный, легкий, погулять – да, а семью заводить не спешит.

Перекусим в кафе, посидим в кино, заедем к Мише. Он достанет ликер и яблоки. Свою любимую антоновку. И так далее. Я даже знаю, что он скажет или сделает. Миша предсказуем и не может никого потрясти неожиданным словом или поступком. Он вообще говорит мало. Что и хорошо и плохо. Миша отлично считает деньги, осторожен в бизнесе, экономен в быту. Из него получится отличный семьянин. Он меня любит. Это счастье быть женой такого человека. Мама говорит, глупая, не понимаешь своего счастья! Мой отец ушел, когда мне было четыре... ладно, это старая история. Счастье. А что такое счастье? Миг или состояние? Ослепительная радость, восторг, буря и все такое? Не знаю. Если честно... очень-очень честно, то ничего такого я почему-то не испытываю. Ни ослепительной радости, ни восторга, а только благодарность за то, что Миша рассмотрел меня, выбрал, полюбил, хотя вокруг столько красивых женщин... И крамольная мысль накатывает – неужели это все? Где-то проходит красивая, как в книжке, жизнь, не жизнь, а праздник, где мужчины в смокингах, а женщины в вечерних платьях. Любовь, ревность, страсти, и никогда не знаешь, что будет завтра...

Знаю, знаю! То книжки, а это жизнь. Две большие разницы. Выходи замуж за Мишу и читай книги про агента ноль-ноль семь...

Уборщица Клавдия Кирилловна, Кирилловна для своих, со стуком поставила ведро на пол, и я вздрогнула. Она оперлась на швабру. Посмотрела неодобрительно:

– Ты еще тут, полунощница? А ну, давай, марш домой! Моду взяли сидеть по ночам. Чего сидишь?

Кирилловна – глас народа, последние городские новости и народный суд в последней инстанции.

– Павлика еще не забрали, Клавдия Кирилловна. Вот и сию.

– Опять? – всплеснула руками добрая женщина. – Опять эта шалава, прости господи, про ребенка забыла? И откуда только такие берутся?

Я покосилась на мальчика, тихо игравшего в углу.

– Ничего, я посижу.

– Да это ж сколько можно? Это что же делается такое, люди добрые?

Вроде сочувствует, но лучше бы молчала. От ее противного голоса мурашки бегут по спине. Павлик поднял голову, посмотрел на меня. Я кивнула: все, мол, хорошо. И он снова уткнулся в игрушки.

Наш детский сад – частное дошкольное заведение для малышей до шести лет. Попасть сюда нелегко, и стоит это удовольствие немало. Но качество мы гарантируем. Наши дети умеют пользоваться ножом и вилкой и лепечут на двух языках – английском и французском. Мама Павлика – актриса драматического театра, женщина одинокая, красивая и легкомысленная. Глядя на нее, я всегда думаю о том, что жизнь у нее не чета моей, и вечернее платье у нее есть, и не одно, и поклонники, и страстная любовь с ревностью, разборками и дуэлями... Ха! Дуэли! Какие сейчас дуэли? В лучшем случае мордобой. Да и то... не факт. Вот узнай, например, Миша, что я ему изменила, он что, полезет в драку? Не полезет. А что, интересно, он сделает? Что сделает предсказуемый, кругом положительный Миша, узнав, что я ему изменила? Уйдет? Никогда больше не посмотрит в мою сторону? Выбросит из сердца? Будет молча страдать? Не знаю, может, и выбросит. Скорее всего. Мишка серьезный, лучше и не пробовать. Да и с кем изменять? Иногда он смотрит на меня, а в глазах немой вопрос, и мне сразу хочется сказать: «Я больше не буду, честное слово!» Он молчит все время, особенно если возникают проблемы с клиентами или поставками – слова не вытянешь, все в себе. Мама считает, что он взрослый, в отличие от вечных мальчиков, которые не знают, что будут делать через минуту. Маме он нравится. Миша знает, что он будет делать через минуту, и завтра, и послезавтра, и через год. Он идет по жизни с картой в одной руке и расписанием в другой, четко зная, где, когда и куда свернуть. Миша надежный. Мне, можно сказать, повезло. У меня даже на сердце теплеет, когда я вижу, как он стоит у кинотеатра – крупный, широкоплечий, надежный – и ждет меня. А я не тороплюсь, торчу за углом и думаю: «Вот сейчас он посмотрит на часы, а потом достанет мобильник». Мне интересно, сколько он так простоит – полчаса, час, два? Пока не зашагает прочь. Уйдет. Не будет нервно швырять букет в урну и расталкивать мощным торсом неосторожных прохожих. Просто уйдет. Неторопливо, как и все, что он делает. Я выскакиваю из-за угла. Миша, завидев меня, улыбается радостно и идет навстречу...

Павлик роняет игрушку, и я вспоминаю, что я еще на работе, а все уже ушли. Кирилловна топает и громыкает ведром где-то в коридоре и скоро тоже уйдет. И что тогда? Я снова звоню маме Павлика, и снова напрасно. Актриса иногда забывает о сыне и, по-моему, каждый раз удивляется, что он у нее есть. Во всяком случае, голос ее в телефонной трубке полон изумления, и она долго не может вспомнить, кто я такая. Но она неплохая женщина и нравится мне. Просто она другая. Она дарит мне билеты на свои спектакли, извиняется, благодарит, посылает воздушные поцелуи, вся порыв и полет. Кирилловна ее терпеть не может и называет вертихвосткой. Если бы от нее зависело, актрису немедленно лишили бы родительских прав или посадили на пятнадцать суток. Вот так и никак иначе. Точка.

– Ну, сиди, сиди, – неодобрительно бросает Кирилловна, заглядывая в зал. – А она там развлекается, мамаша!

Она удаляется по коридору, громыкая ведром и бубня себе под нос, а я остаюсь.

Телефон актрисы по-прежнему не отвечает. А время меж тем подходит к семи. До девяти – воз и маленькая тележка. До девяти мы что-нибудь придумаем, успокаиваю я себя. Или актриса вспомнит о Павлике и прилетит. А если нет... Ну, тогда ничего не поделаешь, придется взять его с собой в кино. Или позвонить Мише и сказать, что со мной ребенок и поэтому все отменяется. Не хотелось бы, Мише и так не нравится моя работа. Ладно, без паники, говорю я себе, еще не вечер.

Кирилловна зашла попрощаться, уже одетая. Губы неодобрительно поджаты, взгляд осуждающий. Она из тех, кто свято уверен в своем праве судить и рядить, а также давать непрошенные советы. Но совет, который она дала мне сегодня, был совсем неплох.

– Позвони отцу, – сказала Кирилловна строго. – Пусть заберет малого и пусть знает, как эта шалава содержит ребенка, а то прыгает всю ночь неизвестно где. Позвони в справочную и узнай телефон, а то будешь сидеть до утра.

Фамилия Павлика – Хмельницкий. Фамилия актрисы – Ананко. Лучше бы наоборот, подумала я. Хмельницких в городе оказалось четверо – кто бы мог подумать! Причем все мужчины. Мне, например, никогда еще не попадался человек с такой красивой фамилией, а ведь ходят же они по улицам, покупают хлеб, женятся, работают где-то. Когда я была совсем маленькая, мне хотелось, чтобы у меня была красивая звучная фамилия, например, Люксембург! Или Княжевич, или Успенская. Мишина фамилия Зверев. Я вздыхаю – быть мне мадам Зверевой. Анна Зверева. И сразу картинка: дрессированные звери, женщина в блестках с бичом и звуки фанфар. Анна Зверева – укротительница диких барсуков! Да...

Я набираю номер. После десятого примерно сигнала мне ответили, что никаких Павликов знать не знают, равно как и актрису драматического театра Ананко. По следующему ответила женщина, очень милая, явно немолодая, которой хотелось поговорить. Она стала расспрашивать меня, что и как, и я, не умея соврать или прервать ее, рассказала, что и как. Она разохалась, стала жалеть брошенного мальчика, и я с досадой подумала, что с моей легкой руки родилась сплетня о том, какая никудышная мать актриса Ананко. Я прекрасно знаю свой недостаток – неумение вовремя замолчать и остановить собеседника, и вымучиваю уклончивые ответы вместо того, чтобы решительно сказать... ну, что-нибудь вроде: «Давайте не будем это обсуждать!» Так говорит наша заведующая: *«Давайте не будем это обсуждать!»* Я даже не могу соврать насчет своего возраста – и, если спрашивают, честно говорю, что двадцать один. Хотя вопрос вполне беспардонный, но попробуй объясни той же Кирилловне, что это не ее собачье дело и вообще: «Давайте не будем это обсуждать». Не поймет, лучше и не пробовать, а визгу будет! Ладно, жалко, что ли?

По третьему номеру механический голос предложил оставить сообщение. Ничего оставлять я не стала и перезвонила еще раз, потом еще и еще. С тем же результатом. По четвертому нетрезвый голос три раза переспросил, кого надо, потом сказал, что Толик Хмель загремел на зону по дурасти и не скоро вернется. Может, через два года, если повезет.

Хмельницкий А.Ю., у которого работал автоответчик, жил в центре города, и я подумала... Вернее, не подумала, а решила без долгих раздумий, что можно отвести Павлика к отцу и сдать с рук на руки, а если его не будет дома, то пойти с мальчиком на свидание с Мишей. Если, конечно, Павлик подтвердит, что А.Ю. Хмельницкий его отец. Вот такой план вырисовался у меня в голове.

– Павлик, хочешь к папе? – спросила я.

Павлик улыбнулся и кивнул. Золотой ребенок – спокойный, ласковый, послушный. Явно не в актрису. Видимо, в отца.

Павлику четыре года, он – самостоятельный осмысленный человечек. Мы шли по улице, его теплая ладошка в моей, и я рассказывала ему о том, что вокруг. Машины, троллейбусы, дома и люди. Павлик вертел головой во все стороны.

Вечерело. Осень, осень, осень скоро! Хотя еще не чувствуется. А там и зима не за горами. Снег, сосульки, коньки, мороз... Хотя вряд ли. Не бывает уже морозов. Но хоть чуть-чуть все-таки будет, как же без этого? Пока еще окончательно не потеплело и земля не превратилась в гигантский парник...

Мы зашли в подъезд за мальчиком с собакой, поднялись на третий этаж и позвонили. Мелодичный звонок был слышен даже на лестничной площадке. Но в квартире было тихо. Никто не спешил открывать нам. Я посмотрела на часы – половина девятого. Что же делать? Вытащила мобильник, но оказалось, что села батарейка. Прямо зла не хватает! Все одно к одному. Миша будет сходить с ума, ему постоянно кажется, что со мной непременно что-то случится, он по десять раз предупреждает, чтобы я осторожно переходила улицу, а когда мы

переходим вместе, с такой силой хватает меня за руку, что едва не отрывает ее напрочь. Он станет звонить моей маме, и они будут перезваниваться друг с другом и волноваться, а я буду торчать под чужой дверью. Может, этот А.Ю. и вовсе не явится ночевать...

И еще я подумала, что теперь точно узнаю, как долго Миша будет ждать меня у кинотеатра. Полчаса, час или два. Хоть бы скорей появился этот господин Хмельницкий! Все нормальные люди уже дома, где же его носит?

Девять! И что прикажете делать? На площадке всего две квартиры. Я звоню соседям, но там тоже не отвечают. Мы садимся на ступеньку. Павлик прислоняется ко мне, тяжелый и сонный. Ему пора спать. Мысль отдать его отцу уже кажется мне просто идиотской – ведь не ответил же он на мой звонок, зачем было соваться? Выяснить адрес, суетиться? А все Кирилловна с ее дурацкими советами. А я как последняя дура послушалась. Может, актриса Ананко не поддерживает отношений со своим бывшим, мало ли... Надо было сдать Павлика моей маме, и все дела, она бы только обрадовалась, она хочет внуков и чуть ли не каждый день спрашивает: «Анечка, как у вас с Мишей... может, ты *уже*?..» Пока нет, отвечаю, куда спешить. Мама только вздыхает в ответ.

Половина десятого. Сидим как в ловушке. И дурацкий мобильник вырубился некстати. Павлик сопит, привалившись ко мне. Теперь точно не уйдешь.

Десять. Удивительно, за все это время никто не появился! Ни души! Только давешний мальчик с собакой – бородатым вертлявым терьером. Какой-то... странный дом. Мертвый! От этой мысли мне делается неуютно, и я начинаю напряженно прислушиваться. Ни голосов, ни музыки, ни звяканья посуды – ничего! Вымерли они все тут, что ли? Мне становится не по себе.

Начало одиннадцатого. Чертов дом! Я решительно поднимаюсь со ступенек, беру на руки спящего Павлика, и в это самое время внизу хлопает дверь – кто-то вошел в подъезд. Я в ужасе застываю, покрываюсь гусиной кожей от затылка до пяток и прижимаю к себе мальчика. Кто-то поднимается вверх тяжело, неторопливо. Я увидела его раньше, чем он меня. Здоровенный мужик, не похожий ни на бомжа, ни на грабителя. Хотя никогда не знаешь заранее. Он поднимается и одновременно шарит в карманах в поисках ключа. Нашел, зажал в руке. Поднялся на «мою» лестничную площадку и замер, заметив меня. Даже рот раскрыл от неожиданности.

– Господин Хмельницкий? – спросила я агрессивно. Перехватила поудобнее спящего Павлика, оперлась плечом о стену. Я едва держалась на ногах от усталости...

– Э... с кем имею... так сказать... честь? – пробормотал он, разглядывая меня.

Голос хриплый. О господи, пьян, кажется. Угроздило, что называется.

– Анна Владимировна Чиликина, воспитатель вашего Павлика!

– Анна Владимировна? – Похоже, он удивился. Морда красная, дышит тяжело – запыхался, хотя что же тут удивительного? – Чиликина? Воспитатель?!

– Да, воспитатель! – Мой голос срывается и дает петуха. – Павлика сегодня не забрали, я звонила матери, потом вам, нигде никого нет, о ребенке просто забыли! Это возмутительно! Меня давно ждут, а я здесь, на лестнице!

Я с ужасом чувствую, что сейчас расплачусь. Еще не хватало! Я с силой втягиваю воздух, удерживая слезы, и все-таки всхлипываю.

– Вот, возьмите вашего сына, господин Хмельницкий! Возможно, вы еще помните, как его зовут! Павлик! Ему пора спать! Мы тут уже три часа сидим! (На самом деле меньше двух.) Таких, как вы, нужно лишать родительских прав! Вот!

Я протягиваю ему мальчика, и он берет его, но как-то нерешительно. Вид дурацкий, но руки, кажется, не дрожат. Может, и не пьян. Видно, что ему стыдно – молча разевает рот, переводит взгляд с меня на сына. Ну и прекрасно, пусть знает, что я о нем думаю. А то нарожают детей, а там, понимаешь, трава не расти!

– Спокойной ночи! – кричу я напоследок, вкладывая в пожелание весь сарказм, на какой способна, и сбегая вниз, забыв о лифте.

– Подождите! – кричит он сверху. – Эй, вы! Как вас там! Подождите!

Скотина! «Как вас там!» Опомнился. Я оглушительно хлопаю дверью, выражая свои чувства, и мчусь по улице так, как будто за мной гонится серийный убийца.

Часы начинают бить где-то далеко. Половина одиннадцатого. Бедный Миша...

Глава 4

Суматоха

Я помчался вниз, но где там! Этой сумасшедшей уже и след простыл. Гулко громыхнула дверь внизу, и настала тишина. Я медленно поднялся, стал перед дверью, не соображая, что нужно делать. Ребенок сопел мне в шею, пахло от него воробьем. Все произошло так быстро, невероятно быстро! Реакции этой девицы можно только позавидовать. А моей реакции? Почему я, как последний идиот, протянул руки? Что за?.. Чей это ребенок! Протянул руки и взял! Маразм какой-то, честное слово, хватательный рефлекс в действии. Остается только догадываться, во что я вляпался. Может, ребенка украли, вся полиция уже на ногах, и эта проходимка прямо сейчас звонит им и сообщает... Глупости! Она же назвалась! Она сказала, что ее зовут... как же ее зовут? И фамилия какая-то... смешная... что-то птичье. Сказала, возьмите вашего ребенка! Воспитатель... Но... почему?

Тут до меня доходит, что я стою перед собственной дверью, а на руках у меня спящий ребенок. А где ключ? Ключа нет. Я поочередно шарю по карманам, чувствуя, как дрожат руки. Усаживаюсь на ступеньку. Прикидываю, не положить ли спящего мальчика... Это мальчик, и зовут его... Павлик, кажется. Она сказала Павлик. Не положить ли его на пол и не обыскать ли карманы снова? Не хватало еще, чтобы пропал ключ. Я же помню, что он был в руке... в правой, я достал его еще внизу. Идиотская ситуация! Неизвестная женщина закатывает мне скандал, сует в руки ребенка и заявляет, что это мой сын... Сын?! Меня окатывает жаром. Мой сын? Не может быть! Я лихорадочно соображаю... мальчику... сколько же ему? Два? Три? Три?! Не может быть! Кажется, я застонал.

Ключ наконец нашелся. Я отпираю дверь, и тут вдруг раздается резкая трель телефонного звонка. Я вздрагиваю. Мальчик издает скулящий звук. Я хватаю трубку, кричу «алло» и слышу озабоченный голос мамы.

– Темочка! Это ты? – спрашивает она. – Ты уже дома? А почему твой мобильник не отвечает?

Заслышав в трубке мой голос, мама всегда спрашивает: «Это ты?»

– Я перезвоню! – кричу я. – Положу ребенка и перезвоню!

– Темочка! – вскрикивает мама. – Какого ребенка?!

Я кладу мальчика на диван. Он разбрасывает руки, вздыхает, издает звук, похожий на хныканье, и продолжает спать. Я присматриваюсь к нему. Светлые волосы, кнопка носа... Похож? Или... нет? Пытаюсь вспомнить свои детские фотографии...

Телефон взрывается снова. Мама.

– Темочка, какого ребенка? – кричит она. – Откуда? Это... твой ребенок? – Мама говорит с придыханием, она мечтает о внуках от меня. Она переживает, что я останусь бобылем. В голосе ее звучит надежда.

– Нет, – отвечаю, – не мой. Соседи оставили.

«Господи, какой дурак! – думаю я. – Дети все на одно лицо, а эту девицу я сроду не видел! Она воспитатель... где? Ребенка не забрали родители, и она принесла его сюда... почему-то. Абракадабра».

– Мальчик или девочка? – В голосе мамы слышится разочарование.

– Мальчик, – не сразу отвечаю я.

– Большой?

– Маленький. Лет трех или четырех. Павлик.

– Удивительное совпадение, – говорит мама, подумав. – В семь часов позвонила женщина и спросила... – Она внезапно замолкает. Потом говорит изменившимся голосом: – Тема! Ты

ничего от меня не скрываешь? Она звонила сюда! Воспитательница! Разыскивала отца ребенка по фамилии Хмельницкий. Тема, это твой ребенок? – Голос ее дрожит.

– Да нет же! – кричу я. – Эта сумасшедшая сунула мне мальчика и удрала! Я даже не запомнил ее фамилии!

– Фамилия матери Ананко, – говорит мама. – Она актриса. А фамилия отца – Хмельницкий... – Она красноречиво замолкает. – Темочка, я сейчас приеду!

– Не нужно приезжать! – Этого еще не хватало! – Я постараюсь разыскать его мать.

– Темочка, а на кого он похож?

Вопрос вполне дурацкий, но не сам ли я пять минут назад рассматривал Павлика на предмет фамильного сходства?

Актриса Ананко? Не знаю такой. Сто лет не был в театре. В справочной спросили адрес Ананко, и я сказал «актриса Ананко». Это прозвучало как пароль. Вопросов больше не последовало, и девушка продиктовала номер телефона. Мне почудился сарказм в том, как четко она выговорила цифры номера. Видимо, эта актриса пользовалась в городе популярностью. Мне не повезло – ее не оказалось дома. Возможно, она металась по городу в поисках сына.

И тут вдруг рывкнул домофон. Я вздрогнул и чертыхнулся. Кому это неймется? Театр абсурда продолжался. В гостиной астматически захрипели громоздкие старинные часы – подорок матери, и я прокричал в трубку: «Кто?» Там запищали тонко и противно, часы продолжали хрипеть, и я ничего не понял.

Через минуту раздался звонок в дверь. Я открыл, даже не заглянув в глазок.

Это была давешняя барышня-воспитательница. Она уставилась на меня с ужасом. Я посторонился, не зная чего от нее ожидать. Она с опаской вошла, стараясь не прикасаться ко мне.

– Это опять вы? – спросил я.

– Вы действительно отец Павлика? – выпалила она, глядя на меня круглыми серыми глазами.

– Вам не кажется, что вы опоздали с вашими вопросами? Вы бросили вверенного вам ребенка, даже не проверив мой паспорт! Не понимаю, как вам можно доверять детей. Почему вы явились именно сюда?

– Я думала, что вы его отец, – пролепетала она. – Я узнала телефоны всех Хмельницких, и вы... вы... Отчество Павлика – Алексеевич, а вы тоже... А.Ю. Извините меня! – Она закрыла лицо руками и заплакала.

Не выношу вида плачущих женщин.

– Раздевайтесь! – скомандовал я.

– Что? – Она перестала плакать и попятилась.

– Давайте ваше пальто. Мальчик спит, вы не сможете его унести. Сейчас попытаемся найти мамашу.

– Я ей звонила, она не отвечает. – Она протянула мне пальто и синий шарфик. Я наконец рассмотрел ее – совсем девчонка, перепуганная, заплаканная. В осознании собственного дурацкого поступка.

– Как же вы дошли до жизни такой? – спросил я строго. – А если бы я его съел?

Она несмело улыбнулась. У нее были серые глаза, даже не столько серые, сколько зеленые, заплаканные, как я уже сказал, и яркие точки румянца на скулах. Она молоденькая, и я невольно вздохнул, с какой-то беспощадностью почувствовав и свое одиночество, и свой возраст. Между нами пропасть...

– Чай? Кофе? Больше ничего нет. Кажется, есть сухари.

– Что вы, не надо! – Похоже, она испугалась и все еще не пришла в себя. – Можно, я позвоню? Мама волнуется... Мой мобильник сел.

– Прошу. – Я кивнул на телефон на тумбочке. – Так чай или кофе?

Она не ответила и схватила трубку.

Для кофе поздно, пожалуй, значит, чай. Я возился на кухне и слышал ее голос – она повторила несколько раз «мамочка» и дальше зачастила неразборчиво. Видимо, убеждала мать, что жива и здорова. Потом она замолчала, после снова заговорила, но очень тихо. У меня мелькнула мысль подойти к двери и подслушать, что меня удивило – я был выше подобных житейских мелочей. Мысль эту я отогнал, правда неохотно. Она говорила со своим молодым человеком, догадался я и вздохнул с сожалением – да что же это такое? Почему я все время вздыхаю? Я попытался представить себе ее молодого человека – студентик какой-нибудь вроде Костика, программист... они все сейчас программисты. И вдруг поймал себя на мысли, что весь вечер насыщен непредвиденными событиями и, похоже, рушится мой привычный уклад, а все из-за того, что мне вдруг пришла в голову странная фантазия забрести в «Белую сову». Я был как комета, изменившая курс из-за солнечной бури за тысячи световых лет, или планета, сорвавшаяся с орбиты, и что будет дальше и работают ли тут физические законы – одному провидению известно. Люди и лица смешались в пестром хороводе, и он вертелся вокруг меня все быстрее. Леша Добродеев, которого я не видел вечность; Колдун, которого я не видел семь лет; чужой ребенок, случайно попавший ко мне, и, наконец, перепуганная воспитательница... как ее? Анна, кажется. Фамилии я не запомнил. Из тех вечных девочек, которые никогда не станут Аннами, а останутся навечно Анечками или Анютами. С серо-зелеными заплаканными глазами и точками румянца на скулах, юная до неприличия.

Снова захрипели часы, и я вздрогнул. Нервы стали ни к черту – обычно я не обращаю на часовой механизм ни малейшего внимания. Раздался первый дребезжащий удар, и это было как знак судьбы, которая развернула колесо моей жизни с привычной колеи неизвестно куда. Или пытается развернуть, и тут важно понять, как я могу поучаствовать – помочь судьбе или стоять столб столбом, пусть старается сама.

В гостиной посапывал маленький мальчик, в прихожей шелестела по телефону моя новая нечаянная знакомая, а я на кухне готовил чай. Часы отсчитывали время...

Потом мы пили чай, потом снова звонили актрисе Ананко. И снова впустую – не отвечал ни ее домашний, ни мобильный. Актриса Ананко испарилась. Мне уже казалось, что ее вообще не существует в природе, что она фантом нашего драмтеатра. Мальчик спал. Анечка расстегнула ему курточку, сняла голубые кроссовки. Он даже не пошевелился. Мне пришлось в голову, что проблемы лучше решать на свежую голову – сейчас я не сдержался бы и выдал нерадивой мамаше по первое число. Дурацкий виток событий – сначала воспитательница – я взглянул на Анечку, сидевшую на диване около Павлика, теперь эта... актриса. Две глупые женщины за один вечер, да еще плачущая прекрасная и беспомощная Елена. Три! Плюс мама с ее фантазиями. Удивительно, что ее до сих пор нет. И мальчик в придачу! А что прикажете теперь делать? Усыновлять его? А с барышней как быть?

Последняя контрольная попытка. О чудо – мне ответили! Голос чуть сипловатый – в самый раз, чтобы считаться сексуальным, протяжное манерное «аллоу». Не похоже, что извлеклась от беспокойства. Черт, как же к ней обратиться? Госпожа Ананко? Мадам? Гражданка?

– Извините за поздний звонок, – промямлил я. – Но тут такое дело...

Анечка испуганно смотрела на меня.

– Я вас слушаю, – сообщила актриса высокомерно.

– Ваш ребенок... Павлик?

– Что с ним? – вскрикнула она, и я почувствовал, что она прижала руку, свободную от трубки, к сердцу. – Где он? Кто вы такой? Что случилось? Вы его... украли? Имейте в виду, я этого так не оставлю! – Кажется, она мне угрожает! – Немедленно верните ребенка! Почему вы молчите! У меня нет денег! Я мать-одиночка!

– Я не молчу! – огрызнулся я, заводясь. – Не крал я вашего ребенка! Он попал ко мне случайно, по недоразумению. А вы неизвестно где... Я как идиот обрываю телефон! А вы! Вы!.. – Кажется, я начал заикаться.

– Он у вас? Немедленно дайте ему трубку!

– Он спит! – рявкнул я. – Почти двенадцать! Где можно шлаться всю ночь?

Она вдруг хихикнула:

– Вы прямо как мой покойный муж! Чего же вы хотите?

– Чего я хочу?! Чтобы вы забрали наконец своего ребенка!!

– А как он вообще к вам попал?

– Случайно. Это долгая история. Его принесла воспитательница... дело в том, что моя фамилия Хмельницкий...

– Анечка? А вы Хмельницкий? – Она снова рассмеялась. – Анечка решила, что вы мой муж! Наш папа тоже Хмельницкий. Какое удивительное совпадение. Алексей Хмельницкий. А вы...

– Артем.

– А я Рената! Давайте адрес, лечу!

Она прилетела в половине первого. Красивая взволнованная женщина, сверкая глазами, ринулась мимо меня в гостиную и рухнула на колени перед диваном, где мирно сопел Павлик. Анечка поднялась, вся раскаяние, готовая снова расплакаться. Актриса ее не заметила. Крылья ее длинного черного плаща плавно опустились на пол, длинные темные волосы разметались по дивану. Она прижалась лицом к мальчику и застыла. Я стоял молча, опираясь о дверной косяк. Анечка переводила взгляд с меня на актрису. Та наконец повернулась ко мне:

– Это вы мне звонили?

Идиотский вопрос! Но... красива. Очень! Такой можно простить... многое. Моя ответная реплика была по-мужски сдержанна:

– Да, это я вам звонил.

От моего желания выдать ей по первое число остались одни воспоминания. Наоборот, я, кажется, втянул живот, распрямил плечи и стоял, отлепившись от двери, по стойке смирно.

– Спасибо... – прошептала она, глядя на меня громадными черными глазами, полными слез.

– Не за что... – пробормотал я.

– Что же делать? – пролепетала она.

«В каком смысле?» – подумал я и сказал:

– Ну... я вызову такси. Сейчас позвоню!

– Но он же спит! – В глазах ее укоризна.

Тут до меня наконец дошло.

– Чай? Кофе? – спросил я деловито.

– Чай, если можно.

– Я пойду, – прошептала Анечка. – Только позвоню.

– Анечка! – вскричала актриса, впервые заметив ее. – Вы ошиблись! Этот человек не отец Павлика! У нас другой папа!

– Простите меня! – Анечка прижала кулачки к груди. – Я пыталась дозвониться до вас, уже боялась, что с вами что-то случилось... Я не хотела, честное слово... простите, пожалуйста! Я подумала, что... – она кивнула на меня, – ваш муж...

Она едва не сказала «этот тип».

Актриса мелодично рассмеялась и махнула рукой:

– Это я виновата! У нас сегодня прогон перед премьерой, все в мыле, сын совершенно вон из головы! Ужас! Это вы меня простите, Анечка. На вас можно положиться, я всегда знала. Спасибо вам, дорогой мой человек!

Я всегда восхищался женской логикой и умением ставить все с ног на голову. В моем банке работают в основном женщины. Анечка готова была провалиться сквозь землю. Мы переглянулись, я ухмыльнулся. Похоже, мы превратились в заговорщиков.

– Сейчас приедет Миша... я подожду на улице, – пролепетала она.

– Вы дождетесь Мишу здесь, – твердо сказал я. – Уже ночь, и я передам вас с рук на руки. Миша – ваш молодой человек? – не удержался я.

– Он мой жених.

На том дело и кончилось. Приехал жених, я проводил Анечку вниз. Стоял у двери, наблюдая, как она усаживается в машину...

* * *

А потом... Потом мы сидели на кухне и ужинали. Хотя, возможно, это был ранний завтрак. Актриса с удовольствием уминала ветчину и хлеб и при этом, не переставая, рассказывала, как провела вечер. Про мальчика она, похоже, напрочь забыла. Я не без удовольствия рассматривал ее лицо – подвижное, тонкое, нервное – и почти не вслушивался в слова. И напрасно, как оказалось. Она рассказывала о сеансе черной магии, куда попала вчера по большому благу.

– Я до сих пор не могу прийти в себя! – вскрикивала она между глотками чая. – Просто мороз по коже! Меня бьет дрожь! Этот человек – великий маг и не от мира сего. Он связан с черными силами, вы не поверите! Он вызывает души умерших! Я раньше видела такое только в кино. Он... он настоящий черный колдун!

Сознание вырвало знакомое слово. Закон парных случаев?

– Колдун? – повторил я тупо.

– Черный колдун! – подтвердила она с веселым ужасом. – Кошмар! – В ее глазах плескался страх – не то искренний, не то наигранный.

– Я когда-то знал одного колдуна...

– Его зовут Илья Заубер. Несколько лет назад ему пришлось уехать из города... была какая-то трагическая история, связанная с женщиной. А сейчас он вернулся. Говорят, он проходит сквозь стены! И превращается в невидимку! А еще говорят, что он может убить усилием воли. Человек умирает, а на теле никаких следов. И у него такое лицо... лицо мученика! Святого! Он несет свой дар, как крест, как проклятие. Он одинок, никто не может выдержать его энергетики. Он впадает в летаргический сон на неделю или на две, а потом предсказывает будущее, которое увидел. Три его женщины покончили с собой. И все сбывается! – Она обхватила себя руками, стремясь унять дрожь. – Я теперь буду бояться оставаться одна!

...Илья Заубер! Он же Колдун, он же Маг, он же Черная ведьма и Оборотень. Я всегда подозревал, что клички свои он выдумывает сам. Обыватель любит тайну, от которой в сладком ужасе замирает сердце. Тогда он был в моде, о нем говорили. Он вылечил кого-то, кому-то предсказал смерть близкого человека, кому-то удачу в делах – и все сбылось! Лешка Добродеев потащил меня на сеанс, и я сдуру согласился. Обставлено все было прекрасно. Общее впечатление от зала без окон, где это происходило, можно передать двумя словами – мрак и серебро. Черные драпировки, черная мебель, серебряные шандалы, инкрустация серебром на черной столешнице и неожиданно светлый, отливающий серебром ковер на полу.

Он приказал нам взяться за руки. Я почувствовал пухлую влажную ладонь Лешки на своей руке. Добродеев нервничал и потел. Я готов был рассмеяться, но смех застрял у меня в глотке – мы пересеклись взглядом с колдуном. На долю секунды, на малый временной осколок, но и этого хватило с лихвой. Я почувствовал тоску смертную и тяжесть в членах – казалось, меня запихнули в давящий скафандр, голова опустела, лишь бился жалкий ошметок какой-то недодуманной мысли, будто я что-то почему-то должен сказать... *Казимиру* – брат смотрел на меня и молча ждал. Моя голова готова была с треском разлететься, и только мучительным

усилием воли я удерживал ее в границах. *Казимир* сверлил меня взглядом исподлобья, лицо его вытягивалось и плыло, в глазах плавала ненависть. Меня затошнило, появилась звенящая боль в ушах. И вместе с тем я понимал, что это все ненастоящее, понарошку, это игра, и стоит лишь хорошенько топнуть ногой или даже просто шевельнуться, как все пройдет, но не мог двинуть и пальцем и все глубже проваливался в темноту и вязкую тишину...

И вдруг меня отпустило – я вынырнул, обессиленный, какой-то ватный, цепляясь за горячую спасительную Лешкину ладонь. И звуки полились в уши. Вязкая тишина отступила.

Он сказал, что мы должны вспомнить тех, кого уже нет с нами. Мягкий вкрадчивый голос, полуприкрытые глаза – проступали жутковатые полоски белка, так и просились туда медные пятаки. Лицо трупa. Неподвижные губы, хотя слова звучали. Фокус-покус. Его, наверное, можно было назвать красивым... Смуглое сильное лицо, черные с сединой волосы, четко очерченный крупный рот. Но... что-то мертвящее, потустороннее, пустое... «Грим?» – мелькнула у меня мысль. Или... плата за знание? Расплата. Интересно, как он спит по ночам? Видит кошмары? Или сном праведника? Худые руки с длинными гибкими пальцами. Все в традициях магического цеха. Адекватный антураж. Мерлин. Не хватало только черного бархатного плаща и серебряной цепи на груди. Вместо этого был черный свитер, из ворота которого торчала бледная кадыкастая шея с набухшей веной – меня передернуло. Я не мог отвести от него взгляда, наливаясь тоскливым раздражением и чувством неловкости. Он же больше ни разу на меня не взглянул.

Легкий сквозняк едва заметно колебал огни свечей. Их горело десятка два по всей комнате. Они потрескивали, удушливо чадая, с шорохом скатывался воск. Я сидел, налитый тоской, чувствуя неровный пульс в Лешкиной ладони, спрашивая себя, какого черта я тут забыл. На что рассчитывал и чего ожидал? Я скептик по натуре, занудный, скучный реалист, привыкший иметь дело с цифрами. Ничего не ожидал, шел, как на забаву, чувствуя свое превосходство, невнятно представляя себе, как буду рассказывать... потом, что был, удостоился, участвовал... пожимая при этом плечами, давая понять, что Колдун – очередной шарлатан и проходимец. Он сверкнул взглядом – мне показалось, он проник в мои мысли и все про меня понял, а я сидел дурак дураком, взявшись за руки, в компании истеричных дамочек, закативших глаза, и притихшего не к добру Лешки... Стыдно-с!

– Я понимаю, – сказал колдун негромко, и я почувствовал, что он обращается ко мне. – Не все верят, но этого и не нужно. Слепая вера приносит вред. Самое главное, не бойтесь. В каждом человеке живут другие сущности, вроде зеркальных отражений... со своей памятью, воображением, умением предвидеть будущее и проникать в другие миры... Наши сны – отголоски их путешествий... Сейчас мы попробуем вызвать их... освободить... и спросить о тех, кто нам дорог. Никто не исчезает бесследно, просто дверь закрыта...

Он говорил и говорил, почти не разжимая губ, обволакивая своим мягким глуховатым голосом, от которого клонило в сон. Кажется, я уснул. Мне приснился отец. Сверкает река, подрагивают от легчайшего ветерка узкие серебристые листья ив. Белый речной песок, выцветшее летнее небо. Ни облачка. Отец – с мокрыми волосами в сверкающих каплях воды – щурится на солнце, улыбается, что-то говорит, но звука нет – кино немое, черно-белое...

– Ты что-нибудь видел? – спросил притихший Лешка Добродеев уже на улице.

– А ты?

– Черт его знает! – искренне ответил он. – Вроде видел... а может, и нет. Не знаю! А ты?

– Отца видел. Мы часто ходили на реку...

– И что ты думаешь? – Он смотрел на меня с жадным любопытством.

– Ничего. Не знаю. Не верю я в эти штуки...

– Я тоже не верю, но говорят разное.

– Пишут тоже разное, – уколол я его. – Сон разума. Будешь ведь писать?

– Конечно, буду. Город полон слухов, все просто в истерике.

– Сделаешь ему рекламу? Это он тебя попросил? – догадался я.

Лешка пожимает плечами и не отвечает. Жулик! Ему все равно, о чем писать, лишь бы платили. Он всегда раздражал меня всеядностью и жадностью во всем – в знакомствах, шмотках, застольях. Мы холодно прощаемся и расходимся. Удивительно, что это меня так задело. Расходимся, как оказалось, на долгих семь лет. До сегодняшнего... Нет, уже вчерашнего вечера, когда наши дорожки снова пересеклись. Мои и Колдуна...

...Я уступил актрисе спальню. Постелил себе в кабинете. Она принимала душ, кажется, напевала что-то. Чувствовала себя как дома. Простыня была шуршащей и ледяной. Давно я не спал на диване. Я чувствовал себя последним дураком, невольно прислушивался к звукам из спальни, но лежал неподвижно, прикованный к жесткому дивану. Вспоминал...

Глава 5

Анечка

Миша молчал почти всю дорогу. Только и спросил: «Может, ко мне?» Я виновато ответила, что мама волнуется, и он кивнул, соглашаясь. Я тоже молчала. Только сейчас я испугалась по-настоящему. Я не понимала, как могла отдать ребенка... все получилось так быстро! Бедный Павлик! А если бы этот Хмельницкий оказался негодяем? А если бы он мне не открыл? Я прижала ладони к горящим щекам и покосилась на Мишу. Миша... сильный, надежный, немногословный, глаза прищурены. Человек-скала. Четкий профиль, мощный разворот плеч. Руки... Сильные надежные руки спокойно лежат на руле. Он ни о чем не спросил, хотя любой другой на его месте... Я не пришла на условленное место, не позвонила, исчезла и проявилась лишь в полночь, причем позвонила из квартиры постороннего мужчины, который затем проводил меня к машине. Я ему благодарна – можно собраться с мыслями и объяснить, что произошло, осторожно выбирая слова. Без особого урона для репутации. Ну, что-нибудь вроде того, что Хмельницкий на самом деле отец Павлика, и я, зная об этом и принимая во внимание то, что актриса Ананко... Ох, если бы! Не умею я врать. А сегодняшний вечер... уже вчерашний, навсегда останется кошмаром всей моей жизни. А вдруг узнает заведующая, Алина Эдуардовна? Вдруг актриса Ананко пожалуется, что я отдала ребенка неизвестному лицу? А вдруг этот Хмельницкий расскажет ей, что я ткнула ему Павлика и удрала? И нагубила? Похолодев, я представила себе собрание сотрудников с повесткой дня: «ЧП в нашем коллективе» о нерадивом и легкомысленном сотруднике... сотруднице, которая своими руками... чужого вверенного ей ребенка... отдала неизвестно кому, первому встречному, который даже не являлся его отцом! В президиуме – пострадавшая заплаканная мать, актриса Ананко, и псевдоотец, тот самый Хмельницкий Артем Юрьевич.

У моего дома Миша спросил:

– Может, расскажешь?

Он повернулся ко мне. Спокойный, деловитый... Иногда мне кажется, что у Миши нет чувства юмора – он никогда не смеется над шуточками из телевизора и не рассказывает анекдотов, но мама говорит: «Слава богу, что нет, ведь смех без причины... сама знаешь. Смеются бездельники и эстрадные комики – первым нечего терять, вторые зарабатывают. А Миша весь в мыслях о деле».

Он смотрел на меня серьезно, чуть сведя брови, такой значительный, мужественный... Я подумала, что мама права! Мне повезло с Мишей. Он надежный, сильный и... Впрочем, я, кажется, об этом уже говорила.

– Я отдала ребенка чужому человеку, – сказала я. – Павлика Хмельницкого...

– Ты отдала ребенка из детского садика чужому человеку? – уточнил Миша. – Зачем?

– Я думала, это его отец.

– Почему ты так думала?

– У них одинаковая фамилия.

Жалкий лепет! Мишины лаконичные, бьющие в цель вопросы и мои жалкие ответы... Зачем, спрашивается, ему такая нескладеха? Мама говорит, скажи спасибо. И еще: поженились бы вы, что ли. В смысле, железо надо ковать, пока горячо, а то ведь он и передумать может, такого с руками оторвут. Можно подумать, маме не терпится выпихнуть меня замуж. Отдать в хорошие руки. Вообще-то не терпится. У Миши руки хорошие – надежные. Я вспомнила, как мы познакомились... Я пришла купить стекло – сквозняк захлопнул балконную дверь, и окно разбилось. В магазинчике меня встретил крупный мужчина, оказавшийся хозяином. Он стал обстоятельно расспрашивать о двери, стекле, размерах... Про размеры я не подумала, и

пришлось показать руками, какие они. Он спросил, а кто будет вставлять? В смысле, мужики в хозяйстве имеются?

Кончилось тем, что он кликнул из подсобки помощника, погрузил в машину стекло, и мы поехали. Я сказала, ну что вы, не нужно, но он веско ответил, что как раз собирался в ту сторону и ему по дороге. Он молчал все время, а я искоса поглядывала... вернее, рассматривала его волевое мужественное лицо, красивые руки... Это было около года назад. За это время я убедилась, что Миша очень хороший человек, а мама считает, что он настоящее сокровище, что за ним как за каменной стеной и мне страшно повезло. Я вздыхаю...

Мы приехали. Мама оторопело уставилась на незнакомца. Миша поздоровался и спросил, где пострадавшая дверь с выбитым стеклом. После чего снял обувь и прошел в комнату. Мама засуетилась, предлагая чай или кофе, а то позавтракать или даже пообедать. Миша с серьезным лицом мерил стекло, резал, вставлял. Причем молча. У нас есть сосед Эдик, мастер на все руки, веселый, довольный жизнью, всегда подшофе, его мы и зовем починить дверь или подкрутить текущий кран. Рот у Эдика не закрывается. Он сыплет шутками и анекдотами про соседей и жену, которую называет монстром. «Монстр купил купальник на три размера меньше! Умора!» – говорит Эдик. «Монстр уехал к теще! Гуляем!» «Монстр смотрит по телику всякую дурню и ревет! Показывают же, прости-господи!»

Его жена – приятная блондинка с непроницаемым лицом – работает в библиотеке, и вся, видимо, там, в литературе. На монстра не похожа. Иногда я думаю: что, интересно, держит их вместе – простого парня Эдика с душой нараспашку и замкнутую библиотекаршу? Любовь? Он называет ее «монстр», а как она называет его? Я попыталась придумать ему прозвище... Мачо, Сантехник, Гуляка, Юморист... Не знаю. Мама говорит, что замуж в наши дни выйти очень трудно, с радостью пойдешь и за Эдика. Это спорно, конечно, она преувеличивает. Но действительно трудно. В нашем городе просто нет приличных женихов. А тут Миша, кругом положительный, очень приличный, с умелыми руками и, главное, трезвенник! Я уверена, что мама тут же стала прикидывать, как было бы хорошо, если бы Миша... Одним словом, она накрывала на стол в гостиную и вела хитрый дипломатический разговор с дальним прицелом, между прочим выясняя, женат ли, как бизнес, перспективы на будущее, наличие любимой женщины. Миша отвечал прямо, скупое, точно. Сведя брови и хмурясь, прикидывая, сколько «откусить» от стекла, обстоятельно перемеряя по семь раз. Когда держал во рту гвоздик, то просто кивал.

Моя мама мастер в ателье – как вы понимаете, там одни женщины, и заказчики тоже женщины, и в кулуарах крутится немерено всяких историй из жизни города: кто с кем сошелся-разбежался-бросил-развелся-женится. И мораль каждой истории: очень трудно теперь с мужиками! Нет их больше. Не выпускают. А те, что есть, – не просыхающие, ленивые, врущие, и нет им веры. И самое главное, не хотят жениться. Мама разбирается не только в моде и фасонах, она разбирается также и в мужчинах. Мой отец ушел, когда мне было четыре года, потом был дядя Андрей, потом дядя Сева... еще добавить сюда мужей и знакомых ее подружек... не подумайте худого – в том смысле, что подружки приходили, пили чай, жаловались, плакали и просили у мамы совета. Короче, опыт у нее колоссальный. И тут вдруг Миша со стеклом! Невооруженным взглядом видно, что не пьет, серьезный, трудяга, бизнесмен, такому можно верить. Мама сразу смекнула, что Миша приехал не просто так. Э, нет! Нас не проведешь.

Потом мы сидели за столом. Мама достала бутылку вина, снова с дальним прицелом, но Миша сказал, что он за рулем. И вообще, это лишнее. Похвалил тушеное мясо с овощами, сказал, что сам умеет готовить, но у нас лучше. Мама тут же заявила, что готовила я. Они разговаривали, я сидела молча. Не умею я с мужчинами... Я попросту находилась за столом как посторонний предмет, испытывая неловкость за маму – уж очень откровенно она расхваливала меня... он же не дурак, все понимает.

Все наши проблемы она решает через клиенток – и мою английскую спецшколу, и вуз, и даже учеников – я подрабатываю репетитором, деньги всегда нужны. Мама следит за моими нарядами и мечтает устроить куда-нибудь переводчицей. Ей уже твердо обещали. А я не хочу – мне нравится в детском саду. Мне кажется, у малышей положительная аура.

Мы обе вышли проводить Мишу до машины, и мама взяла у него обещание прийти к нам в следующее воскресенье обедать.

– Анечка, какой замечательный парень! – сказала она, когда мы остались одни. – Умница, красавец, при деле. И не женат. Господи, как бы я хотела, чтобы у вас все получилось! – Она вдруг обняла меня и расплакалась. – Пусть хоть ты будешь счастливой!..

– Зачем ты отдала ему ребенка? – снова спрашивает Миша.

– Я думала, что это его отец, у них одинаковая фамилия, – снова объясняю я.

– Не понимаю, – говорит Миша, – ты отдала ребенка только потому, что у них одинаковая фамилия? Анечка, ты понимаешь, насколько это серьезно? А если его мать напишет жалобу? Ты же взрослый человек! А если он станет тебя шантажировать? Что он собой представляет?

– Не знаю, нормальный человек... банкир.

Я устала, хочу домой, я чувствую себя полнейшим ничтожеством, прислоняюсь к Мишиному плечу и всхлипываю.

– Ладно, проехали, – говорит он. – Глупая... Господи, какая же ты еще глупая. Знаешь, я давно хотел тебе сказать, Анечка, бросай ты свой детсадик! Ни уму, ни сердцу! Мне в магазине нужен реализатор, Родьку я выгоню. Будет семейный бизнес. С твоей мамой я уже говорил, она не против.

Не против? А как же карьера переводчика?

Я не отвечаю. Я полна событиями вечера, хочу под горячий душ и в постель. Но Миша настроен серьезно, ему хочется обсудить наше будущее.

– И насчет свадьбы... Я бы не стал устраивать банкет, – говорит он. – Как ты на это смотришь? Сама понимаешь, времена сейчас сложные. Можно в домашнем кругу... Как ты думаешь? И мама согласна.

Он называет мою мать «мамой». Он уже член семьи. Мама называет его Мишенькой. Они обсуждают проблемы вдвоем, а потом доносят до моего сведения. В их глазах я маленькая, неопытная, домашняя... вроде кошки.

– Я не против, – говорю я, страстно желая только одного – оказаться дома.

– Что тебе подарить? – спрашивает Миша.

– Не знаю...

– Знаешь, я испугался, – вдруг говорит он. – Ты себе не представляешь, как я испугался! Ты не позвонила, ты просто исчезла! Я звонил маме, она тоже волновалась. Пожалуйста, Анечка, не заставляй нас переживать. Я уже думал, что с тобой что-нибудь случилось. Я тебя очень люблю!

– Я тебя тоже люблю, – шепчу я и невольно вздыхаю, вспомнив, что актриса Ананко осталась у этого человека... Хмельницкого Артема Юрьевича. Он проводил меня, вернулся домой, предложил ей чай или кофе... а потом... потом...

«Конечно, ведь она такая красавица, – думаю я. – Умная, талантливая, смелая женщина, у которой интересная жизнь». Я представляю, что я – талантливая, смелая, умная и красавица, и мне вдруг позвонил ночью неизвестный человек и сказал, что мой ребенок у него в руках... Я представляю, как мчусь спасать ребенка, вбегаю в квартиру этого человека, в отчаянии пролетаю через бесконечные комнаты, красиво падаю на колени перед спящим мальчиком и... Тут мне приходит в голову, что я никогда не забыла бы о своем сыне и вовремя забрала бы его из детского садика. Я вдруг представила себе, что Павлик мой сын. Ласковый славный Павлик

с застенчивой улыбкой, а его отец... Меня обдает жаркой волной, сердце застревает в горле, я судорожно вдыхаю...

– Ну все, все, будет, – говорит Миша, обнимая меня. – Все в порядке. Слава богу, все позади. Но ты должна мне пообещать, Анечка, что никогда... сначала надо думать, а уж потом... честное слово... тебе будет лучше в магазине... я решил... и твоя мама тоже так считает...

До меня долетают лишь отдельные слова, бубнящий голос Миши напоминает голос из севшего моби́льни́ка. Мне жарко, я сжимаю кулаки, лицо мое горит... да что же это такое?

Глава 6

Алиса

С ней меня познакомил, разумеется, вездесущий журналюга Леша Добродеев. Других знакомых журналистов у меня нет. Дело было в городском парке во время народного гулянья – Дня города, кажется. Казимир и Лена вытащили меня на обед в «Прадо», где брат хватил лишку, и они поссорились, а я потихоньку сбежал, послонялся бездумно по городу, и толпа притащила меня в парк. Тут-то мы и встретились – Леша Добродеев с подружкой, как я тогда подумал, и я, ваш покорный слуга. Оказалось, это не подружка, а коллега по цеху, восходящее светило местной журналистики, как он ее представил.

При этом Леша обнимал барышню за плечи и чмокал в макушку, демонстрируя не то нежную дружбу, не то снисходительность старшего и опытного товарища. Она легко вывернулась из-под Лешкиной руки, рассмеялась:

– Алексей Генрихович рассказывал про вас!

– Правда? – преувеличенно удивился я и взглянул на Лешку. – И что же, интересно?

Он поднял руки, сдаваясь, и закатил глаза.

– Так получилось, старик! Эти малолетки... разве им откажешь? Ей нужен положительный герой, домашнее задание такое. Я предлагаю написать обо мне – отказывается. Ну тогда, говорю, Тема Хмельницкий, самый положительный человек в городе... после меня. Банкир, считает деньги на калькуляторе, знает таблицу умножения, к тому же холост. И самое главное – вышивает крестиком, хобби такое! Положительнее не бывает.

– Вы действительно вышиваете крестиком? – Она смотрела на меня с любопытством, даже рот открыла.

– Вышиваю на досуге, – ответил я скромно. – Знаете, очень успокаивает нервы.

– Хочешь посмотреть? – спросил интриган Лешка, подмигивая мне.

Она кивнула неуверенно, переводя взгляд с него на меня, не вполне веря.

...Ее готовность верить поражала меня. Я всегда считал, что наивность, глупость, доверчивость – птенцы из одного гнезда. Видимо, в силу профессии: люди, имеющие дело с цифрами и деньгами, обычно недоверчивы. Алиса была доверчива и наивна, но далеко не глупа. Подумав, я понял, что наивность и доверчивость проистекают от недостатка жизненного опыта, а глупость – это вроде таланта, пожизненно, и никуда от нее не денешься. Она действительно поверила, что я вышиваю крестиком, и я потом часто подтрунивал над ней, а она отбивалась, крича: «А что тут такого? Неужели не бывает банкиров, вышивающих крестиком? Гипотетически?» – «Ну, разве только гипотетически», – отвечал я.

Она мечтала стать журналисткой – мотаться по всей планете, раскапывать замечательные истории, открывать тайны, встречаться с потрясающими людьми. Образования у нее было всего ничего – средняя школа и какие-то сомнительные скороспелые литературные курсы, но тексты ее, неровные, дерганные, часто путанные, задевали нестандартностью и необычным ракурсом. Лешка, которому образности мышления тоже было не занимать, сказал, что Лиска... Он называл ее всякими смешными именами, производными от Алиса – Лиска, Лиса, Лисичка, Лисенок, а то и Лисюк... что Лиска рождает свои материалы, стоя на голове на перилах балкона и подглядывая через окна за происходящим в соседнем доме. Он устроил ее в желтоватый «Вечерний курьер», и она щенком моталась по городу в поисках материала, причем хваталась за самые странные темы. К моменту нашего знакомства она успела написать о городских очистных сооружениях; о реке в половодье, которая тащит поваленные деревья, дома, собачьи будки и всякие другие предметы – причем с философской точки зрения; о местном женском монастыре и его настоятельнице – бывшей рабочей текстильной фабрики, которой было виде-

ние; о творчестве психически неполноценных из областной лечебницы и устроила аукцион их картин, что положительно отразилось на бюджете заведения; о карликах, клеящих коробки в кустарных мастерских.

А потом дошла очередь до меня: Лешкина протеже задумала серию «Земляки» и уже написала о необыкновенном бомже, о пожилой певице, потерявшей голос, одинокой и больной, об американцах, которые невесть с какой радости поселились в нашем городе – один архитектор, другой программист. Приехали навестить друзей и остались, продолжая работать в своих американских фирмах виртуально, завели друзей, каждый день тусовки – говорят, здесь у вас больше свободы и нормальных людей. Теперь ей понадобился бизнесмен, и Лешка подсунул ей меня. Я воспротивился, Алиса настаивала. Лешка, в восторге от интриги, подначивал нас обоих.

Через неделю он вдруг позвонил и попросил приютить Алису на пару дней – ей пришлось съехать с квартиры, так как муж хозяйки стал проявлять к ней интерес «как к женщине», сказал Леша, и бедняжка оказалась буквально на улице. И уже три ночи ночует в редакции на старом продавленном диване. Я рассмеялся – интерес? Как к женщине? К этой пигалице?

Она переселилась ко мне в тот же вечер, притащив чемодан и спортивную сумку. Я уступил ей свой кабинет, а потом позвал ужинать. Она отказалась, сказав, что не голодна. Я, недолго думая, взял ее за руку, привел на кухню и приказал накрыть на стол. Она, скованная, шарила в буфете и роняла на пол вилки и ножи, а я жарил картошку и отбивные. Потом мы сидели за столом, я – откровенно ее разглядывая, она – уставившись глазами в тарелку. На ее руке выше локтя я рассмотрел изрядный синяк.

– Никак драка была? – спросил я.

Она бурно покраснела – щеками, ушами, шеей, и я невольно рассмеялся, так как давно отвык видеть краснеющих барышень. Как-то само собой получилось, что я стал говорить ей «ты». Она не ответила, только дернула плечом. Я хотел развить тему, но вовремя прикусил язык, вспомнив о хозяине квартиры, от которого она сбежала. И впервые посмотрел на нее, как на бесхозное незащищенное и одинокое существо неопределенного пола, с торчащими лопатками, в линялой футболке и старых джинсах, которое мотается по съемным квартирам, не чувствуя себя при этом ни обделенным, ни неудачником. И почувствовал, как невольно перехватило горло.

Я спросил ее о родителях, и она с набитым ртом ответила, что мама умерла четыре года назад, отца никогда не было, а есть дядя Паша, их друг, классный мужик. И жили они в Зареченске, откуда она уехала полтора года назад, чтобы хлебнуть карьеры журналиста, так как, похвасталась Алиса, ее сочинения были лучшими в школе, и их русалка... то есть учительница русского языка, всегда говорила, что она далеко пойдет, а кроме того, она неоднократно печаталась в районной прессе.

Девчушка перестала стесняться, наворачивала так, что сердце радовалось, и я поймал себя на том, что люблю ее, втайне посмеиваясь больше над собой, чем над ней. Полный удивления и умиления, я подтрунивал над Алисой и подначивал ее. Она отбивалась не без остроумия, и мы хохотали до слез.

Я – черствый человек, педант, банкир, привыкший иметь дело больше с цифирью, чем с живыми людьми. Допускаю, что в последнее время я отвык от общения не по делу, а ради трепы – не умею, жаль потраченного впустую времени, да и не с кем общаться. Мне никогда не хватало легкости, а сейчас тем более. Казимир считает, что я забурел. Он время от времени знакомит меня с женщинами... как я подозреваю, своими бывшими, к которым потерял интерес. Отстегивает с барского плеча, так сказать. Я реагирую по-разному, иногда отношения продолжаются месяц-другой, но ни разу у меня не возникло желания, чтобы очередная подруга переселилась ко мне. Ни разу. У меня тянулся долгосрочный роман с одной милой женщиной моего возраста, мы виделись раз или два в неделю, иногда ужинали в ресторане, но никаких

планов на будущее не строили. Такие отношения устраивали нас обоих – как ни мало человек пользуется свободой, все же терять ее не спешит.

После ужина Алиса вымыла посуду и шмыгнула в кабинет. А я ушел в спальню. Взял томик Чехова, читал, невольно прислушиваясь к ее передвижениям по квартире. Я слышал, как она на цыпочках пробежала в ванную, потом обратно. Она пробуждала во мне невольное любопытство, словно пришелец с другой планеты. Увидев инопланетянина, я бы подошел рассмотреть его поближе, хотя и не верю в них. Наша ситуация была сходной, и я не смог бы ответить на вопрос, что именно меня в Алисе интересует, даже себе самому. Пришелец или молоденькая женщина?

На другой день она принесла пельмени и пригласила меня на ужин. И заявила, что почти представляет, что именно напишет про меня. Все считают банкиров стяжателями и жмотами, но они вовсе не такие злые и черствые, а наоборот, есть среди них вполне даже ничего, гуманные и воспитанные люди, готовые отдать ближнему последнюю рубашку. И она сумеет найти такие слова...

И тут она вдруг расплакалась. Сморщила нос, распустила губы и всхлипнула. Я слегка опешил, потом поднялся с табуретки, подошел к ней, погладил по голове. Она затихла, даже дышать перестала, а я вдруг поцеловал ее. К моему удивлению, она горячо ответила...

Она была не в моем вкусе и малолетка вдобавок, как говорил Лешка. Да и я был далек от ее взглядов на спутника жизни или сексуального партнера, как эта нахалка однажды выразилась. Но существовало, значит, что-то, что держало нас вместе, несмотря на шестнадцать лет разницы. Для меня Алиса... Лиска... являлась представителем чуждого племени молодняка, о жизни которого мне было не известно ровным счетом ничего. Я слишком рано стал зарабатывать, и часть жизни, состоящая из забубенных развлечений, дискотек, травки, тусовок и скорого секса, ускользнула от меня – я просто не имел свободного времени. Я упоминал, кажется, что у меня была подруга – серьезная, красивая, сильная женщина, знающая себе цену, директор компании учебных программ, всяких «как начать бизнес», «поднять показатели», «расширить, увеличить, добиться» и так далее. Мы были людьми одного круга, воспринимали жизнь одинаково, понимали друг друга с полуслова. Она была замужем – муж обитал нелегальном где-то не то в Европе, не то на Брайтон-Бич, и они не разводились по одной-единственной причине – руки не доходили.

И тут вдруг как снег на голову на меня свалилась Лиска. С ее нестандартным видением окружающей действительности. С ее удивительно наивным нахальством и незащищенностью, о которой она не подозревала, но которая сразу же бросилась в глаза мне. У нее не было ничего! В самом прямом смысле слова – ничего! Квартиру она снимала, заработанные малые деньги тут же тратила, носила джинсы и футболки, из ценных вещей у нее имелись мобильный телефон и диктофон. Причем диктофон ей подарил Лешка Добродеев – просто так, от широты натуры. Любовниками они не были. На мой прямой вопрос он так же прямо ответил, что ему нравятся зрелые опытные женщины, а не такие соплячки, как Лиска, которая, скорее всего, еще девственница – боже упаси от таких!

Я наблюдал ее и диву давался – она жила сегодняшним днем! Ни планов на будущее, ни мыслей о заработке, сбережениях, возможных болезнях, когда понадобятся деньги, о покупке квартиры, машины – ничем этим она не забивала себе голову. Правы те, кто говорит, что счастье – талант, который сам по себе не зависит от денег, любви или удачи. Наверное, все как раз наоборот – деньги, любовь и удача зависят от этого таланта. А скорее всего, они и вовсе не связаны. Моя банкирская голова возмущалась, а душа... или что там у нас внутри? – была озадачена и тронута, и что-то вроде жалости проклюнулось и пустило росток. С моей точки зрения, такие, как Лиска, – не настоящие люди, способные выплыть в море житейском, а лишь экспериментальные модели человека, выпущенные по недосмотру из мастерских природы в реальную жизнь. Мне постоянно казалось, что с ней что-нибудь случится – я стал бояться, тор-

чал у окна, высматривая ее на улице, строго отчитывал за исчезновения, за то, что не позволила, за то, за се, за одно, за другое, пятое-десятое, напоминая не счастливого любовника, а скорее занудливого отца-одиночку.

А ведь мы были счастливы, понял я уже потом, когда Лиски не стало. Ослепительно, радостно, восторженно счастливы...

...Я уснул, когда за окнами проступил серый рассвет. В восемь меня разбудила актриса Ананко. Кстати, ее зовут Рената, вспомнил я. Она деликатно постучалась, после чего всунула голову в дверь и прошептала:

– Завтрак на столе!

Бессонная ночь не сказалась на ней – была Рената свежа, как цветок после дождя. Из зеркала на меня мутно уставилась собственная хмурая небритая физиономия. Голова была налита свинцом, спину ломило – диван, на котором так удобно сидеть, оказывается, не пригоден для сна. Плюс острое недовольство собой и неловкость перед актрисой – вместо того чтобы воспользоваться подвернувшимся случаем, я по-ханжески промучился на диване. Она теперь подумает, что я... гм... несостоятелен. Или чего похуже.

Растершись после душа, я потянулся было за халатом, но на обычном месте его не оказалось. Чертыхнувшись, я выскочил из ванной, обмотанный полотенцем, и, оставляя мокрые следы, побежал в спальню. Кровать была застелена, подушки расставлены по-другому, пахло незнакомыми духами. Я поспешно одевался, косясь на дверь.

Рената в моем халате сидела за столом, подперев руками голову. Она, похоже, уже полностью освоилась. Рядом с ней смирно сидел мальчик. «Павлик», – вспомнил я. Он уставился на меня круглыми глазами.

– Привет, Павлик! – бодро сказал я.

– Привет, – прошептал он и опустил голову. Робкий – в отца, видимо.

– Я чудесно выпалась! – заявила Рената, и я тут же заподозрил насмешку, но на лице ее было одно простодушие. Я еще раз подумал о том, что она потрясающе красива.

От моего чувства неловкости вскоре не осталось и следа, наоборот, мне казалось, что мы знакомы чуть ли не с детства. Она, как заботливая хозяйка дома, наливала мне кофе, Павлику – молока, намазывала на хлеб мед – я не помнил, чтобы у меня был мед, видимо, она основательно пошарила в буфете. Мы смеялись и болтали ни о чем, и я поймал себя на мысли, что давно не чувствовал себя так легко.

Когда я допивал третью чашку, в дверь позвонили. Пришла мама. Она, окинув меня прокурорским взглядом, спросила:

– Ты не один?

Они рассматривали друг друга целую вечность, и мама сказала дрогнувшим, слегка обиженным голосом:

– Я не помешала?

– Ма, это Рената и Павлик, – сказал я и пододвинул ей стул.

Она неловко уселась и молвила:

– Очень приятно! Нина Сергеевна.

– Я так рада! – воскликнула Рената, нисколько не смущаясь моего халата. – А мы незваные гости, правда, Павлуша? Кофе?

– Да, пожалуйста, – произнесла мама официально. В отличие от актрисы, она чувствовала себя не в своей тарелке.

– Ма, а это потерявшийся Павлик. – Я попытался разрядить обстановку. – Знаете, Рената, удивительное совпадение – эта ваша воспитательница звонила маме и рассказала, что ищет мужа актрисы Ананко. Бывает же! Правда, ма?

Мать неопределенно кивнула. Она переводила взгляд с меня на Ренату и мальчика, видимо, в поисках семейного сходства.

– Удивительно, что вы оказались знакомы, – сказала она наконец, и я внутренне хмыкнул – следствие ведут знатоки!

– А мы и не были знакомы! – рассмеялась Рената. – Мы познакомились только вчера. Артем позвонил, и я приехала за Павликом, но он спал... – Она погладила сына по голове. – И мы решили не будить его.

«Мы», – отметил я.

– Сколько тебе лет, Павлик? – спросила мама.

– Четыре! – Он показал четыре пальца.

– Пятого августа исполнилось, – уточнила Рената.

– Он Лев? – поразила мама. – Как Тема?

– Я даже хотела назвать его Львом, но муж не согласился.

– А ваш муж...

– Умер! – поспешил я, закрывая тему.

– Почему умер? – удивилась Рената. – Наш папа живет в Германии, зарабатывает денежки, да, Павлик?

– Но вы сказали вчера... – начал было я.

Она слегка порозовела.

– Это была шутка!

Хорошенькая шутка – назвать мужа покойным! На лице мамы сложное выражение – незнакомая дама провела ночь в квартире холостяка и теперь сидит в его халате, распивает кофеи при живом муже, а у мальчика есть отец!

Рената, чуткая, поняла и сказала:

– Такая нелепая история... Эта Анечка, воспитательница, приняла Артема за отца Павлика, он тоже Хмельницкий. А я вчера закрутилась... совсем из головы вон. В театре сумасшедший дом, а потом этот колдун. Ужасный человек! Дьявол, а не человек!

Бывают такие неудачные ситуации, когда каждое новое слово усугубляет нелепость и сюр – мы все участвовали в подобной.

– Колдун? – Мама растерянно взглянула на меня.

– Ну да! Страшный человек!

– Павлик, а у тебя есть велосипед? – ринулся я с ходу в новую тему, не придумав ничего умнее.

– Есть! Взрослый! Мне папа прислал! А вы тоже мой папа?

– Ой, уже десятый час! – вскрикнула Рената. – У меня репетиция! – Она поспешно поднялась. – Павлик, допивай молоко! Нам еще в садик!

– Я могу отвести его в садик, – сказала мама, и я удивленно воззрился на нее. – Пойдешь с бабушкой, Павлик?

Мальчик кивнул.

– Спасибо! – Рената чмокнула маму в щечку и умчалась в спальню, что, разумеется, не осталось незамеченным – мать выразительно взглянула на меня, и я буркнул:

– Я спал в кабинете!

– Конечно, – молвила мама мягко, – я понимаю. Она сказала, колдун...

– Не знаю! Вряд ли тот самый. Их теперь столько развелось, сама знаешь!

– Темочка... – Мама озабоченно смотрела на меня.

– Ма, ты действительно отведешь его в садик? – Я вилял как заяц, преследуемый собаками.

– Конечно! Давай адрес! – Каков следовательский прием!

– Откуда у меня адрес? Сейчас спросим... Я вас отвезу.

Я отвез Ренату в театр, потом маму и Павлика в детский сад и поехал на работу. Рената на прощанье обняла меня, шепнув: «Спасибо! Сегодня у меня спектакль, я до одиннадцати!» – и упорхнула. За трогательным прощанием наблюдали две личности женского пола, кутившие у черного входа. По тому, как оживленно они затрясли головами и обменялись фразами, я понял, что родилась легенда. Рената подошла к ним, и вся троица сердечно расцеловалась.

Мама повела Павлика в садик, а я посидел немного в машине, прикидывая, не зайти ли самому, мне хотелось увидеть вчерашнюю барышню и сказать ей... что-нибудь – «бу!», например, и посмотреть на ее испуганное лицо. Одернув себя, я уехал...

* * *

А вечером снова пришла та самая воспитательница Анечка с птичьей фамилией Чиликина.

– Артем Юрьевич, – сказала она, едва не плача, прямо с порога, – извините меня! Я не знаю, как это получилось! Честное слово! Я до сих пор не могу прийти в себя... Спасибо вам большое!

Благодарность была вполне нелепа, но я понял ее: «Спасибо вам за то, что не оказались растлителем малолетних, сексуальным маньяком и жуликом-вымогателем! За то, что не приставали ко мне, не пытались воспользоваться ситуацией и не рассказали актрисе Ананко, что я бросила Павлика».

Я назвал ее на кухню – бедная девочка не посмела отказаться – и напоил кофе. Пододвинул коробку конфет, предложил не стесняться. Она не посмела поднять на меня глаза, но конфеты ей, видимо, понравились, и о фигуре она беспокоилась меньше всего.

– Сколько вам лет, Анечка? – вдруг спросил я.

Она испуганно вздрогнула, перестала жевать, вспыхнула. Проглотила конфету и сказала неуверенно:

– Двадцать один.

– Прекрасный возраст! – фальшиво обрадовался я. Теперь нужно снисходительно похлопать ее по плечу и озабоченно посмотреть на часы – делу время, потехе час. Но я медлил, смотрел на нее со странным чувством, как человек, пытающийся вспомнить что-то – то ли чье-то полузабытое лицо, то ли оброненное когда-то слово, то ли жест, интонацию, взгляд. То ли себя в ее возрасте...

Она неловко поднялась, не допив кофе. Похоже, я испугал ее – удивительно несовременная девица.

– Мне пора... меня ждут!

– Кто? – не удержался я.

Ей не пришлось в голову, что можно не ответить, а лишь загадочно пожать плечами (именно так бы и поступила актриса Ананко!) – какое, собственно, тебе дело?

– Миша. Он во дворе. – И на всякий случай напомнила: – Это мой жених.

– Жених? Зовите сюда жениха!

– Не нужно, – смутилась она. – Он не пойдет. Спасибо, но мне пора, честное слово! Мы идем в кино.

Я сунул ей коробку с оставшимися конфетами, она запротестовала было, но потом взяла, прижала к груди. С облегчением попрощалась и выскочила за дверь. Помчалась вниз, как и в тот раз, даже лифта ждать не стала. А я стоял, смотрел ей вслед, слушал торопливое, затихающее внизу цоканье молодых копыт и испытывал удивительное чувство... даже слова не подберешь сразу – умиления, что ли. Поймал себя на том, что рот мой растянут до ушей. Славная девочка...

Потом позвонила мама. Она – человек деликатный, никогда не бьет в лоб, а заходит издалека.

– Приятная женщина, – сказала она, словно продолжая прерванный разговор. – И мальчик славный. А эта воспитательница... ее зовут Анечка, она так плакала! Она боится, что Рената пожалуется ее начальнице, но я сказала, что все в порядке, никто никому ничего не скажет. А Павлик спросил, кто его сегодня заберет...

Кстати! А кто его сегодня заберет? У актрисы спектакль до одиннадцати, потом, как я понял, мы встречаемся...

– Я могу забрать, он славный мальчик, – сказала мама слегка вопросительно, не дождав-шись ответа.

– Неудобно... как-то, – промямлил я. – Может, у нее есть кому забрать...

– А ты позвони и спроси, – предложила она.

– У меня нет ее телефона, – соврал я. – Ма, ну что ты в самом деле... Зачем он тебе?

И тут она всхлипнула и снова повторила, как у нее болит сердце за меня, за мою несчаст-ную неприкайнную жизнь и одиночество. Я положил трубку на стол и стал мыть чашки, краем уха прислушиваясь к неясному бормотанию.

– ...и я все время... об этом... Артюша... знаешь... если бы... папа... еще Казимир...

Я сложил чашки в сушилку. Поднес трубку к уху:

– Ма, извини, мне тут надо кое-что сделать... Я перезвоню! – И отключился.

Это называется удрать, крикнув от двери, что скоро вернусь.

Глава 7

Лена

В начале девятого позвонила Лена. Я чертыхнулся – что у них опять стряслось? Я что, «Скорая помощь»? Что я могу? Казимир больше не смотрит на меня как младший братишка на старшего – вырос, заматерел, начнешь воспитывать – уставится тяжело, насмешливо: не лезь, мол, в мою жизнь, я больше твоего понимаю, приведи в порядок свою, учитель!

– Артем! – произнесла Лена торжественно. – Нам нужно поговорить.

– Что случилось? – неприветливо спросил я.

– Я здесь, внизу, поднимаюсь уже. Это важно.

– Лена, я занят, у меня встреча...

– Артем, это очень важно. – Она меня не услышала.

Голос был серьезный, даже мрачный – похоже, решила на что-то и попросится пожить у меня, пока не устроится. Мысль, что Лена решила уйти от Казимира, была вполне нелепой – такие, как она, с тайным удовольствием тащат свой крест, упиваясь жалостью и сочувствием окружающих. Я почувствовал привычное раздражение, но выхода, увы, не было.

Она вошла, подставила мне щеку для поцелуя, мельком заглянула в зеркало и поправила волосы. Сказала снова:

– Нам нужно поговорить...

Я махнул рукой – не то в сторону кухни, не то гостиной, пропуская ее вперед и оставляя выбор за ней. Она направилась на кухню. Осмотрелась и спросила настороженно:

– У тебя кто-то был?

– Да. – Я не стал вдаваться в подробности.

– Понятно, – сказала она печально. Сейчас добавит: «Конечно, у тебя своя жизнь...»

Понимай: «А у меня жизни нет...»

Но она промолчала. Сидела на табуретке, смотрела на меня своими чистейшей фарфоровой голубизны глазами, на выпуклом лобике ни морщинки, тонкого рисунка рот строго сжат. Один общий знакомый, художник, сказал однажды, что Лена – акварельная женщина: легкая, изящная, без полутонов – одна розово-голубая чистота красок. За двадцать с лишком лет она нисколько не переменялась – казалось, ее хранили в вате, в коробке, перевязанной золотой ленточкой, и вытаскивали лишь по праздникам.

Молчание повисло облаком. Ангел пролетел, говорила в таких случаях бабушка. Мое раздражение росло, но я уперто молчал.

– Я виновата перед тобой, Артем, – произнесла она наконец, сглотнув, словно сдерживала слезы.

Я дернул плечом.

– Нет-нет! – живо воскликнула она. – Не перебивай. Я несу это всю жизнь. Это – кара. Я очень виновата и не жалею.

«Что за театр?» – подумал я и сказал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.